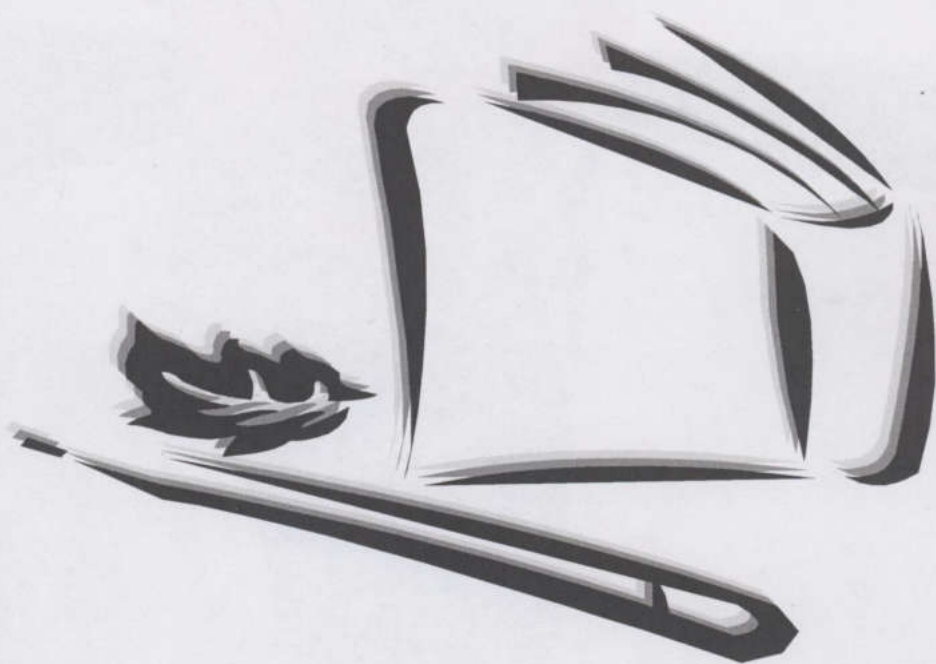

Роберт ЛАРИЧЕВ

Съвърхо доликъ времѣни

Роберт Ларичев

Сквозь дымку времени

Наевичу Василию
Антоновичу
с благодарностью
за огромную работу
проводимую музеем
«Следы времени» Тверь-Ф.
Н.К.В.Д.

2012

Ларичев Р.К.

2.02.2016

Л.С.

Полистаем летопись славных дел ветерана Томского образования Ларичева Роберта Капитоновича. Она написана с большой теплотой о людях, которые сопровождали его по жизни, где бы он ни трудился, проявляя творчество, поиск оптимальных решений, заинтересованность в результате.

Роберт Капитонович начал своё восхождение в Хмелёвской семилетней школе Кожевниковского района Томской области. По путёвке райкома комсомола после службы в армии его направили учителем в эту школу. Так началась его педагогическая деятельность. Роберт Капитонович говорит об учителях этой школы, которые привили ему любовь к учительской профессии, называет своего наставника Деева Константина Ивановича, научившего молодого учителя методике преподавания предмета.

Много интересного узнаёшь, когда изучаешь по документам жизнь человека. Вот и для меня многое в работе школ, учителей в середине XX века стало открытием.

Вся же жизнь Роберта Капитоновича и сегодня связана с детьми, коллегами – учителями. Он остался в профессии на многие десятилетия. Да ещё был учителем такого сложного предмета, как химия, назначался заместителем заведующего облоно, семнадцать лет руководил городским отделом народного образования, был директором школ №5,55,14, гимназии №1.

Интересная биография... Поучительная биография учителя, ставшего на многие годы руководителем образования.

Роберт Капитонович – «мастер», так называли его коллеги. Он человек исключительно творческий, какой бы пост ни занимал. Созидатель. Преобразователь. Человек благодарный. Работая заведующим гороно, сохранял традиции своих предшественников, понимая, что их нужно приумножать.

Работая директором школы №14, создал музей истории народного образования Томской области, которому в 2012 году исполняется 35 лет.

А как интересно, творчески жила гимназия №1, которая стала в короткое время Федеральной экспериментальной площадкой Министерства образования! Можно только радоваться за детей, которые учились в гимназии, где директором был Ларичев Роберт Капитонович, Заслуженный учитель школы Российской Федерации, удостоенный ордена «Знак Почёта» за свой труд.

Ценно, что текст сопровождается многочисленными фотографиями из жизни автора.

Хочется пожелать Роберту Капитоновичу, «чтоб музыка жизни не умолкала», сказать спасибо за книгу

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

Пшеничкина В. Г., ветеран педагогического труда,
руководитель музея истории народного
образования Томской области.

В альбоме моей жены Надежды есть старая фотография её деда Гололобова Николая Матвеевича с однополчанами, на обороте надпись, выполненная сепией: 1916 год и фамилии друзей. За прошедшие более чем девяносто лет, фотография выцвела, часть деталей исчезла, лица потеряли чёткость. С помощью компьютерной программы мне удалось восстановить фотографию, вернуть утраченные черты лиц людей, изображённых на ней, детали военной формы. Работая с этой фотографией, я подумал, что также память прошедших лет покрывается туманом времени, который размывает детали жизни, событий, имена людей, с которыми приходилось встречаться.

Фрагмент фотографии, на которой изображён Гололобов Николай Матвеевич. Слева – фотография, сделанная более 90 лет назад, справа - восстановленная.

Один из моих любимых писателей Джером К. Джером в рассказе «О памяти» сказал: «Память – это капризное дитя: ничего не доносит до нас полностью. Всё кажется привлекательным сквозь смягчающую дымку времени». И ещё одну его мысль хочется привести: «Музыка жизни умолкнет, если оборвать струны воспоминаний».

Я постараюсь в своих воспоминаниях проследить хронику моей жизни, рассказать о людях, которые оказали влияние на формирование моей личности, описать те условия, в которых мне пришлось расти, учиться, работать...

Глава 1.

Моя малая родина - Кожевниково.

В нашей школе был интересный учитель географии Павел Афанасьевич Коротков, который много занимался с нами краеведением. Это был его конёк. Много увлекательного рассказывал он об истории возникновения села Кожевниково, водил нас в походы по местам археологических памятников. Особо памятен поход на древнее городище, куда мы добирались на лодке по реке Та-

ган, притоке Оби, до деревни Могильники. Затем лодку перевезли на телеге до Оби и до Кожевниково от села Вороново сплавлялись по течению. Спали в шалашах, которые строили из подручных материалов. Помню, как мучил гнус. Тогда не было современных средств борьбы с комарами, и тучи их, казалось, закрывали небо.

В этом городище древние охотники жили пять – семь тысяч лет назад. Конечно, мы не нашли каменных топоров, наконечников стрел – всё было раскопано до нас, но сама обстановка, рассказ учителя вызывали у нас почтение к прошедшим векам.

Участники похода к древнему городищу на реке Таган у села Могильники: Володя Янушкевич (впоследствии мы вместе служили в армии), Вася Дубровин, Леонид Галкин, Юля Семёнова, Нина Степанова, Роберт Ларичев.

После первой ночёвки и безуспешной борьбы с комарами.

Второй этап похода. Нашу лодку перевезли на телегах от села Могильники на берегу реки Таган, до села Вороново на реке Обь. Мы прошли по-старинному пути (волоку), которым пользовались наши предки. Четвёртый слева Коротков Павел Афанасьевич.

Ходили в поход по рекам Шегарке, Баксе, знакомились с окрестностями Кожевниково. В 9 классе были в многодневном походе в окрестностях села Аркадьево, жили в местной школе. Сейчас по этому месту прошла современная трасса, и возвышенность, на которой стояла школа, скрыта. Мы тогда собрали большой гербарий, описали месторождение глины, привезли в школу её образцы.

Возникновение села Кожевниково относится к 1681 году, когда на землю, где сейчас расположено село, по распоряжению Томского воеводы, прибыли служивые люди, которым было предписано строить в устье реки Уртам острог (ныне село Уртам). Конные казаки Афанасий и Степан Кожевниковы и основали свою заимку. По имени этих казаков и было названо одно из самых старинных сёл, ставшее центром административного южного района Томской области. Кстати, и, сейчас, в селе живут семьи по фамилии Кожевниковы.

Интересна история сёл района, название многих из них произошло от фамилий людей, основавших эти заимки. Когда я работал учителем в Хмелёвке, интересовался происхождением названий окрестных сёл. Я был в Песочно-Дубровской, Елгайской, Новопокровской, Терсалгайской, Ювалинской школах, но краеведческого материала было мало.

В период моего детства мы жили на различных улицах села Кожевниково. Родился я в доме, расположенном, по рассказу мамы, на улице Советской, №22, в районе речной пристани. Квартину эту дали отцу после его избрания первым секретарём Кожевниковского райкома ВКП(б). После ареста отца в 1938 году семью выселили из этой квартиры без предоставления жилья. Я её не помню. Был очень мал.

Сейчас это место уже смыли обские воды. Кожевниково расположено на левом берегу, поэтому течение Оби, как нам объясняли на уроке географии, вследствие вращения земного шара подмывает именно левый берег, особенно

ранней весной, когда начинает дуть северный ветер и резко повышается уровень воды в реке. От берега откалывались многометровые глыбы и с пушечным грохотом падали в реку. На моей памяти исчезла территория, на которой находилась больница, молочный завод и целая улица, на которой мы жили, когда я начал ходить в школу. Наш дом находился в нескольких десятках метров от обрыва, и мы с мамой боялись, что нас смоем, так как ежегодно исчезало несколько метров берега.

Жизнь у реки имела свои прелести. Дважды в жизни я видел, как весной начинается ледоход, это происходило обычно после двух часов дня, когда я приходил из школы и садился обедать. Стояла странная тишина, и вдруг полоса льда начинает медленно двигаться. Постепенно течение прижимало её к левому берегу, сплошная полоса льда раскалывалась на отдельные глыбы, которые громоздились друг на друга. Огромные льдины наплзали на берег почти вровень с окнами нашего дома. Всё это сопровождалось сильным треском и грохотом. Меня всегда поражала мощь и энергия воды! Я прекрасно помню ледоход на Оби до сих пор. Во время ледохода вода начинала резко прибывать. Были годы, когда затопляло нижнюю часть села, и по улицам плавали на лодках. Правда, уже много лет выпадает мало снега, и река не выходит из берегов.

Однажды на большой льдине проплыла корова, она жалобно мычала, моё сердце разрывалось от жалости, но ничем ей нельзя было помочь.

Развлечением для нас ребятишек было попрыгать на льдинах, которые выталкивало на берег, и наблюдать, как рыбаки специальными накидками ловили рыбёшку, прижимаемую льдом к берегу. По реке плыло много брёвен, и мы старались их выловить на дрова. Особенно много древесины плыло во время строительства Новосибирской гидроэлектростанции.

Рядом с нашим домом располагалось предприятие «Заготзерно». Во время погрузки зерна в баржи, его много просыпалось в воду, это привлекало рыб, и мы ловили на удочку около погрузочных эстакад жирных язёй, чебаков. А какое удовольствие было прыгать в реку с барж, если позволяли матросы! Правда, было больно ударяться животом о воду, но виду показать не хотелось, поэтому старались прыгать «солдатиком».

Мне нравилось утром в тихую погоду бродить вдоль воды. Когда за ночь её уровень снижался, на берегу оставались царских времён монеты, винтовочные патроны, какие-то статуэтки, различные предметы старинного быта. Это всё следы от унесённой рекой улицы, церкви и старинного кладбища. Вечером, когда к берегу подходили спать маленькие щучки, я любил ловить их петлёй из конского волоса.

Но плохо для нас было то, что, когда в складах начинали травить крыс, тогда целые их стада оккупировали соседние дома и поедали всё, что было не укрыто. Правда, на людей они не нападали, но кошки в панике прятались. Через некоторое время крысы опять уходили на складские хлеба.

Когда до нашего дома от обрыва осталось несколько метров, и пройти к дому можно было только по узенькой дорожке, нам дали квартиру в доме на улице Ленина, 88. Сейчас эта улица называется «Обская».

Дома на улице имени В.И. Ленина, ныне Обской, где мы жили. Верхний снимок – квартира в правой части дома, нижний – в левой.

Теперь мы стали жить недалеко от центра села. Здесь находился клуб, небольшой парк (бывшее кладбище) с танцевальной площадкой, библиотека, двухэтажное здание райисполкома, милиция, райком КПСС, банк, почта, кинотеатр, кафе, которое прозвали «Бабы слёзы». Напротив клуба располагался райкомхоз с дизельной электростанцией, пилорамой и мастерскими. Пока село не подключили к центральным электросетям, электричество было только до 12 часов ночи, иногда дизель выходил из строя на несколько дней, так что керосиновые лампы всегда были наготове. В центре села также находились рай-

потребсоюз и сельпо, с их основными магазинами. Сейчас в бывшем клубе и кинотеатре размещены торговые заведения. За райисполкомом был стадион. Зимой иногда на нём заливали каток, и можно было райспорткомитете взять напрокат коньки, тогда я научился кататься на коньках. Правда, это удовольствие было не долгим, каток перестали заливать. Рядом со стадионом располагалось двухэтажное деревянное здание средней школы, Дом пионеров, который сгорел в 70-тых годах Райвоенкомат, суд, колхозные конторы и небольшие предприятия размещены были в других частях села. Овощесушильный завод – на Красной горке, райпищекомбинат, который выпускал вкуснейшие пряники «Банан», таких вкусных пряников сейчас не выпекают, и морс на сахарине, – располагался на улице Калинина, а пожарное депо, автовокзал – на выезде из села. В Кожевниково было два колхоза. Примечательным объектом была пристань, куда местная молодежь (и мы пацаны) собиралась к приходу вечернего парохода из Томска или Новосибирска. На мосту, соединяющем Красную горку с основной частью села устраивались танцы.

Сейчас всё изменилось. Бывший центр села превратился почти в окраину, а в красивом лесном массиве вырос новый микрорайон. На улице имени Гагарина располагаются школа и пришкольный интернат, построены в 60-70-х годах новые здания райисполкома, милиции, ГАИ. Здесь же районный Дом культуры и техническое училище. В микрорайоне построен больничный комплекс, молочный завод, который известен в области своей продукцией. Я был на дегустации, проводимой заводом, когда мы заключали договор на поставку продукции детским домам города. Заводом руководил талантливый директор Михаил Дусар. В центре этого микрорайона выросли жилые дома высотой от 2-х до 5-ти этажей. Всё это было построено за годы советской власти. Много было в Кожевниково и районе обустроено дорог. Дороги, по которым я раньше с трудом доезжал до Хмелёвки на грузовой машине, покрыты асфальтом. Много было сделано благодаря организаторским способностям Чекулаева Василия Ивановича, первого секретаря Кожевниковского РК КПСС. Василий Иванович по-доброму относился к моей матери, помогал ей решить проблемы, с которыми она обращалась к нему.

Сейчас, бывая в Кожевниково, нового вижу, что построено много магазинов, лавочек, кафе. На территории бывшего кладбища выстроена церковь.

Недалеко от старого здания клуба открылся рынок, куда по выходным дням приезжают томские коробейники с турецкими и китайскими товарами, а местное население торгует овощами со своих огородов, лесной ягодой. Мы с Надеждой, обязательно заходим на рынок купить овощей, ягод, посмотреть на гусят, кроликов, которыми славится наше село.

Кожевниковский рынок, куда заходим полюбоваться гусятами.

Сохранилась берёзовая аллея, посаженная нашим классом у старого клуба в год выпуска из школы, цела и берёза, которую посадил я. Всегда с волнением прохожу мимо этого дерева, здороваюсь с ним.

Развивается в селе индивидуальное строительство. Появились особняки местной элиты, асфальтированы и освещены центральные улицы. Много домов на нашей улице облагорожены новой отделкой. Правда, появились проблемы у жителей окраинных улиц: стало трудно добираться до больницы и контор из-за большого расстояния, особенно жалуются престарелые люди.

Новая церковь, построенная на месте старого кладбища. Церковь и священнослужители известны за пределами Кожевниково.

Традиционный привал на берегу Оби после выезда из Кожевниково.
Если спуститься немного ниже нашей стоянки по Оби, то у правого берега
будет устье реки Таган.

С хозяйкой шашлычной у моста через Обь в Шегарке.

На берегу Оби, возле бывшего нашего огорода, виден остров, который образовался в течение 10 лет. Теперь фарватер (более глубокая судоходная часть русла) проходит у правого берега. Можно заметить белый бакен в правом верхнем углу фотографии. Чтобы судну подойти к причалу, оно спускается вниз по Оби, затем поворачивает к пристани, обогнув остров. Когда я жил в Кожевниково, пароходы проходили у левого берега и даже останавливались у нашего огорода.

На снимке Надежда, я и сын Саша.

Бывая в Кожевниково, иногда заезжали в село Уртам, где жил друг Виктора (моего брата), Ромашов Анатолий. Нас тепло встречала его жена Ромашова Юлия Ивановна, бывший директор вспомогательной школы-интерната. Сейчас директором этой известной в области школы успешно работает их дочь Тамара Анатольевна.

На снимке я, Ромашова Юлия Ивановна, Надежда и Тамара Анатольевна.

Глава 2.

Родители.

Я жил с мамой до окончания десятого класса. После получения аттестата зрелости меня призвали в Армию. Прослужив полтора года, был демобилизован, так как наша часть попала под сокращение.

После демобилизации был направлен на работу учителем в село Хмелёвку Кожевниковского района, где проработал 4,5 года, а затем оказался в Томске. Так получилось, что с мамой с тех пор был только во время наездов. К сожалению и стыду, мало расспрашивал о её прошлой жизни, об отце, о родственниках. В памяти остались лишь отдельные фрагменты из её редких рассказов. По-моему, ей было тяжело возвращаться к трагическим событиям своей жизни. Когда я начал писать эти воспоминания, постоянно испытывал глубокое сочувствие к маме. А каково было испытать ей эти удары судьбы, бессилие против жестокой машины, разрушившей семью, убившей моего отца.

Сейчас перелистываю немногие документы, сохранившиеся после обыска при аресте отца, переездов семьи, немногочисленные фотографии мамы со времени молодости и пытаюсь восстановить хронику её жизни. Часть сведений я почерпнул из писем маминой племянницы Власкиной Антонины Семёновны, которая жила в городе Красноярске.

В свидетельстве о рождении, которое было выдано маме 20 декабря 1957 года, взамен украденного при переезде, записано, что Грибкова Наталья Николаевна родилась 5 октября 1908 года в деревне Муравейка Петровского района Ярославской области. Но эта дата, по словам мамы, неточная. После утери документов была внесена в свидетельство приблизительная дата, а мы её поздравляли с днём рождения 4 сентября.

Её отца звали Николай Георгиевич Грибков, а мать – Екатерина Дмитриевна. В их крестьянской семье было трое детей. Брат мамы Николай ушёл добровольцем в Красную Армию, был членом ВКП(б), других сведений о нём не отыскал. Есть коллективная фотография группы командиров, но не указано который из них брат мамы. Старшая сестра Анна Николаевна вышла замуж за Власкина Семёна Петровича. Мне известно, что Власкин С.П. был членом ВКП(б), работал секретарём Красноярского обкома ВКП(б) и был тоже репрессирован. После освобождения вернулся в Красноярск инвалидом.

Семья Грибковых переехала в Свердловскую область. Мой дед Николай Георгиевич – коммунист. Он был командиром отряда продразвёрстки и погиб в 1921 году во время восстания кулаков в Тугулымском районе. Сохранилось письмо сослуживцев Грибкова Н.Г., которые вспоминают о нём, как об активном коммунисте, постоянно работавшем с населением по разъяснению идей Ленина, по преодолению трудностей в период становления Советской власти. И ещё один документ – письмо секретаря Тугулымского райкома партии Свердловской области от 23 июня 1960 года: «Уважаемая Наталья Николаевна! Тугулымский райком КПСС подтверждает, что в честь памяти Вашего от-

ца, коммуниста Грибкова Н.Г., погибшего от рук бандитов в 1921 году, в д. Юшково открыт памятник. Он находится под постоянным вниманием со стороны школьников и жителей д. Юшково. В праздничные дни здесь проводятся митинги, приём в пионеры, торжественные линейки.

В районе на протяжении 5 лет работает краеведческий музей, в котором собраны материалы о первых партизанках, коммунистах, о многих борцах за Советскую власть».

Секретарь Тугулымского райкома КПСС А.И. Воронин.

Николай Георгиевич и Екатерина Дмитриевна Грибковы - мои дедушка и бабушка.

После гибели мужа моя бабушка Екатерина Дмитриевна прожила недолго, и мама осталась сиротой. Её взяла к себе старшая сестра Анна. В доме Власкиных жили семьи двух братьев, всего 15 человек. «Главкомандующим» в этой огромной семье была свекровь Анны Николаевны – Власкина Любовь Никитична. В этой ситуации речи о дальнейшей учёбе мамы не могло быть, и она пошла работать.

В трудовой книжке моей мамы Ларичевой Натальи Николаевны записи о работе начинаются с кожевниковского периода, но по сохранившимся справкам я увидел, что она работала на красноярском стекольном заводе, где она вступила в комсомол и вела активную общественную работу в ячейке. Сохранились две фотографии того времени. На одной – комсомольская ячейка стек-

лозавода, на второй – добровольная пожарная дружина заводского посёлка. Мама здесь молоденькая, говорят, я похож на неё.

Мама прожила в семье Власкиных до замужества. О встрече моих родителей, Натальи Николаевны и Капитона Ильича, ничего сказать не могу, кроме того, что он появился в Красноярске в 1919 году, а в 1927 году они с мамой поженились.

Семья Власкиных, в которую мама приехала после гибели родителей. Справа Семён Власкин с женой Антониной (маминой сестрой).
В центре глава семьи бабушка Любовь Никитична

Комсомольцы рабочего посёлка Стеклозавод Емельяновского района, Красноярского края. Мама в первом ряду слева.

Ларичева Наталья Николаевна.
Моя мама.

Ларичев Капитон Ильич.
Мой отец.

Стеклозаводская добровольная пожарная дружина.
Мама во втором ряду вторая справа.

Родителям пришлось несколько раз менять место жительства в связи с переводом отца. С 1926 по 1938 год он работает на выборных партийных должностях в Новосибирской и Томской областях. В апреле 1937 года Лариче-

ва Капитона Ильича избирают первым секретарём Кожевниковского райкома ВКП(б), а в начале 1938 года его арестовали органы НКВД за участие в троцкистско-бухаринском заговоре.

Наверное, судьба мамы с клеймом «жена врага народа» похожа на тысячи других судеб. Но для каждого человека события 1937-38 годов – это его личная трагедия. После ареста отца мать осталась с двумя детьми в местности, где ни отца, ни её люди не успели толком узнать. Моему старшему брату Виктору было 9 лет, а мне чуть более 2-х месяцев. При аресте были изъяты документы, семейные фотографии, личные вещи отца. В протоколе ареста отражено изъятие вещей, но судьба их неизвестна. Правда, мама впоследствии видела некоторые вещи (бинокль, ружьё и т.п.) у начальника Кожевниковского райотдела НКВД.

Ларичеву Наталью Николаевну с детьми выселили из квартиры без предоставления жилья, и её пустила к себе сердобольная старушка, у которой в ветхом домике уже жили несколько грузчиков. Положение осложнилось, когда оказалось, что у меня проблема со зрением. Была необходима срочная операция на глазах. И маме пришлось, продав часть вещей, везти меня в Томск на операцию, которая была проведена успешно. Когда я был школьником, мама показала мне эту избушку, стоящую на берегу реки. Подобного «жилища» я больше в жизни не видел.

Самое страшное, по словам матери, было то, что знакомые люди, сослуживцы её и отца, при встрече переходили на другую сторону улицы, не здоровались. С работы её уволили. Трудно пришлось и сыну «врага народа», моему старшему брату Виктору. В школе его сторонились. Наше общество в те годы могло создать атмосферу «справедливого гнева» по отношению к своим «врагам». Мама продавала свои последние вещи и вскоре осталась без средств к существованию. Перебивалась случайными заработками. Затем ей удалось устроиться машинисткой в райзо (районный зоотехнический отдел райисполкома). Виктор в 1939 году поступает в ремесленное училище города Новокузнецка Кемеровской области. Я могу только сейчас представить бездну отчаянья подростка, лишившегося отца, которому пришлось в раннем возрасте покинуть школу и уехать из дома в чужой город. Мама старалась помочь сыну: отправляла посылки с тёплыми вещами, которые могла купить на свои скудные средства, сушила овощи.

* * *

Сделаю отступление в хронологию событий, чтобы рассказать о судьбе Виктора, которая сложилась трагически. После окончания ремесленного училища и работы в Новокузнецке он призывается в армию. Служил на Дальнем Востоке. Во время аварии катера, он продолжительное время находился в холодной воде Охотского моря, последствия потом сказались на его здоровье. После демобилизации из армии он вернулся в Кожевниково.

На снимке мама, я, старший брат Виктор с женой Верой, тётя Маруся, мама Веры, во время её приезда из города Дзержинска.

До возвращения Виктора из армии мама пустила на квартиру девушку, приехавшую в Кожевниково по распределению из города Дзержинска Горьковской области Веру Афанасьевну Карпееву. Её направили бухгалтером в Кожевниковскую районную больницу. Это была спокойная, доброжелательная, всеми уважаемая девушка. Мама радовалась её трудолюбию. Однажды я с Верой поехал в лес за дровами, в больнице нам запрягли лошадь, мы, нарубив сухостоя, отправились обратно. Больше всего мы боялись с ней, что лошадь распряжётся, а раньше никто из нас с лошадьми дело не имел. Конечно, в сбруе что-то отвязалось, долго соображали, как устранить неисправность и благополучно добрались до дому.

После возвращения из армии в 1956 году Виктор познакомился с Верой, и они полюбили друг друга, поженились. Через год проявилось последствие аварии в Охотском море - Виктор заболел. В Новосибирском институте нейрохирургии имени Н.Н. Бурденко ему сделали операцию, которая не дала резких положительных результатов. Несмотря на то, что мама и Вера за ним заботливо ухаживали, в 1961 году он умер. Смерть Виктора была для всех тяжёлым ударом, мама сильно сдала после его смерти.

Вера уехала в Дзержинск, мы с ней долго поддерживали связь. В 1963 году с Надеждой (в это время она была беременна Сашей) мы ездили к ней в гости, она жила со своей мамой. Тётя Маруся и Вера очень тепло встретили нас, у них в Дзержинске была многочисленная родня, и у всех мы побывали в гостях.

Город Дзержинск. 1960 год. Мы с Надеждой в гостях у Веры, стоят её родственники.
Фото Надежды.

Через несколько лет Вера приехала в Кожевниково в гости к моей маме. Я ещё раз заезжал в Дзержинск, когда был в командировке в Москве. Вера получила новую квартиру (до этого они жили в коммуналке) на проспекте Циолковского.

После того, когда она вторично вышла замуж, связь с ней потерялась.

* * *

У мамы не было ни тени сомнения в невинности Капитона Ильича. Достаточно грамотная по тем временам, имея опыт работы в прокуратуре Курьинского района Западносибирского края, она начинает хлопотать за своего мужа, пишет письма в различные инстанции, на имя М.И. Калинина с просьбой пересмотреть дело Ларичева Капитона Ильича.

В газете «Советская Россия» №294 от 23 декабря 1989 года в статье «Последний рейс Индигирки» читаю: «В 1939 году народный комиссар внутренних дел Л. Берия, только что заменившем Н. Ежова, отменяет ряд решений, принятых предшественником и касающихся осужденных по политическим мотивам».

Второго января 1940 года было прекращено дело в отношении моего отца, как сказано в постановлении прокурора СибВО: «За недостаточностью улик, согласно ст. 204 п. «б» УПК, дело по обвинению Ларичева Капитона Ильича, 1899 года рождения, прекращено». Отец был из-под стражи освобождён. Документ был выдан матери в 1941 году.

Но маму ждал новый жестокий удар. Её вызвали в районный отдел НКВД и под расписку сообщили, что пароход, следовавший из Магадана, затонул, и Ларичев К.И. погиб. В выдаче свидетельства о смерти мужа ей категорически было отказано. Мама неоднократно обращалась, по мере смены начальников в районном НКВД, затем МГБ, с просьбой выдать документ о смерти мужа, но безрезультатно. В мае 1954 года она вновь обращается к уполномоченному РО МГБ, с просьбой выдать документ – вновь отказ и совет обратиться в Министерство госбезопасности. И только в июне 1954 года мама получила справку о смерти мужа.

Пережитые трагедии, тяжёлая жизнь подорвали её здоровье, и в январе 1955 года она увольняется с работы, получив инвалидность. Встал вопрос об оформлении пенсии по потере кормильца, но, кроме справки о смерти мужа, были необходимы документы о его трудовом стаже. Наверное, не каждый сможет проявить такую настойчивость в розыске документов, как мама. Все бумаги Ларичева Капитона Ильича были изъяты при аресте, но в его деле их не оказалось. Положение осложнилось и из-за того, что произошло слияние Новосибирской и Томской областей. Образовались новые управленческие структуры, и часто приходили на её запросы отрицательные ответы, а подчас формальные отписки, но мама настойчиво продолжала поиски. В ноябре 1954 года её очередное заявление попадает к заведующему отделом социального обеспечения Томского Облисполкома В. Павлову. Оказалось, что он также был репрессирован и находился в заключении на Колыме, где и познакомился с Ларичевым Капитоном Ильичём. Павлов после освобождения был отправлен на землю другим пароходом, поэтому остался жив.

Заведующий областным отделом социального обеспечения близко к сердцу принял заявление матери и незамедлительно ответил. Привожу дословно:

«Уважаемая Наталья Николаевна!

Ваше заявление получил сегодня двадцать девятого ноября.

К сожалению, пенсию Вам по соцстраху за умершего мужа, в данном случае, назначить нельзя. Что касается детей, то боюсь, пока будем разыскивать документы о трудовом стаже, то и младший сын достигнет совершеннолетия. За прошлое время пенсия не выплачивается.

Однако, Ваш покойный муж более десяти лет работал на руководящей партийной работе, что подтверждается Новосибирским Обкомом КПСС, что даёт право ходатайствовать перед Облисполкомом о назначении Вам как инвалиду и нетрудоспособным детям персональной пенсии местного значения. Тот факт, что Ваш муж находился в заключении, не должен служить препятствием назначению персональной пенсии, так как полная невиновность Ларичева установлена. Персональные пенсии местного значения назначаются только по ходатайству организации, где протекала деятельность лица, за которое испрашивается пенсия. Поэтому я, посоветовавшись в обкоме КПСС, обратился с письмом в адрес секретаря Кожевниковского райкома КПСС. В письме обстоятельно излагается суть дела и содержится просьба к райкому дать хода-

тайство райкома КПСС или райисполкома о назначении Вам пенсии. Об оформлении остальных документов позаботится райсобес. Если будет ходатайство, то думаю, что облисполком сможет назначить Вам и нетрудоспособным детям персональную пенсию.

Разрешите, Наталья Николаевна, выразить Вам самое искреннее сочувствие по поводу постигшего Вас несчастья. Я лично знал покойного и хорошо знаком с его «делом». Прошу передать его сыновьям, что их отец был преданным партии, кристальной честности человеком и, что они не должны стыдиться за своего отца.

Постараюсь держать Вас в курсе всего дела.

Зав. областным отделом
социального обеспечения

В. Павлов.

30 XI 1954 года.

№ 21-5660»

Через некоторое время пришло второе письмо от В. Павлова:

«Уважаемая Наталья Николаевна!

Совет Министров СССР Постановлением от 8/IX -1955 г. за № 1655 «О трудовом стаже, трудоустройстве и пенсионном обеспечении граждан, необоснованно привлечённых к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных», выплачивается по прежнему месту работы двухмесячная заработная плата исходя из существующего ко дню реабилитации месячного оклада (ставки по должности, работе), занимаемой до ареста. В случае смертной реабилитации этих граждан двухмесячная заработная плата выдаётся их семье.

Сообщая Вам об этом, рекомендую обратиться в Кожевниковский райком КПСС с просьбой выплатить Вам заработную плату Вашего покойного мужа Ларичева К.И. за два месяца в размере существующего ко дню реабилитации месячного оклада.

Постановление, о котором идёт речь, будет направлено райисполкому в ближайшие дни.

О том, как решится вопрос, прошу уведомить меня.

Зав. областным отделом
социального обеспечения

В. Павлов.

29 XI 1955 г.

№ 01-110»

8 февраля 1956 года Исполнительный комитет Томского областного совета депутатов трудящихся принимает решение о назначении персональной пенсии местного значения Ларичевой Н.Н. В решении № 6-п записано:

«2. Назначить персональную пенсию местного значения, гражданке Ларичевой Наталье Николаевне за умершего кормильца Ларичева К.И. в размере 200 рублей и на воспитание сына Роберта рождения 1937 года в размере 100 рублей, до окончания высшего учебного заведения».

Заместитель председателя

Облисполкома

Н. Баранов.

Учитывая, что по инвалидности мама получала пенсию 100 рублей, в материальном плане нам стало жить легче.

* * *

Я забежал далеко вперёд, нарушив хронологию повествования о жизни мамы. В конце 1945 года она заболела, особенно обострилась болезнь в начале 1946 года, и её положили в Кожевниковскую больницу. Я остался в доме один, и мама беспокоилась «что я голодный и холодный». Старалась от небогатой больничной жизни оставить мне кусочек.

Впоследствии мы с мамой всегда с благодарностью вспоминали главного врача Кожевниковской больницы Глазунова Михаила Павловича, пользовавшегося уважением в районе за профессионализм и доброту. Многие кожевниковцы были обязаны ему своим выздоровлением.

Дом Глазунова М.П. находился недалеко от нас, как и больница.

Михаил Павлович распорядился, чтобы меня на кухне кормили ежедневно. Помню изумительный аромат и вкус хлеба, который поварихи выпекали здесь же. Они старались побольше положить мне каши, хлеба (это был первый послевоенный год, с продуктами было плохо).

Бывая на старом Кожевниковском кладбище, обязательно подхожу к могиле Глазунова М. П. Вижу, что здесь редко бывают люди. Памятник требует капитального ремонта. Вообще у кожевниковцев мало внимания оказывается старому кладбищу, могилам людей, сделавших много для процветания села.

Работая в архиве новейшей истории Томской области, я нашёл документы, из которых узнал, что Михаил Павлович работал главным врачом Кожевниковской больницы в 1937 году и знал моего отца.

Лечение мамы положительных результатов не дало, да и трудно надеяться, что лекарства вылечат сердце, столько раз испытывшее жестокие удары судьбы. Мама написала письмо своей старшей сестре Анне в город Красноярск, чтобы они с мужем забрали меня, если с ней случится непоправимое. Быстро приехал муж Анны Николаевны – дядя Сеня (мы тогда жили на улице имени Ленина, № 32), распродал мамино небогатое имущество и увёз нас в Красноярск.

Власкины после реабилитации дяди Сени жили в двухкомнатной квартире в доме барачного типа, с ними жила их дочь Антонина Семёновна, с которой я и Надежда потом встретились в Москве более чем через 50 лет. Она, бросив всё в Красноярске, приехала в столицу из-за своей дочери, которую завлекли в религиозную секту. Антонина Семёновна очень переживала за её судьбу, безуспешно пыталась вернуть дочь к нормальной жизни. Чтобы устроиться с жильём, нанялась сиделкой к больному человеку.

К счастью, здоровье мамы стало улучшаться, она встала на ноги, но жить в большой семье сестры было трудно. В Красноярске перспектив на жильё не

было, и она решила переехать в город Юргу, где мой отец, Ларичев Капитон Ильич, когда-то работал первым секретарём райкома ВКП(б). Приехав в Юргу, мать устроилась на работу машинисткой в заводоуправление. Ей дали уголок в общежитии, и я пошёл в первый класс Юргинской школы. Впечатлений за короткое время учёбы у меня не осталось. Помню, что учебников не было, учились читать на уроке по газете «Пионерская правда».

Надежд на получение постоянного жилья не было - и мама решает переехать в Томск.

* * *

В памяти у меня остались от этой поездки впечатления, которые я помню очень чётко, как будто это была вчера. На станции Тайга нам необходимо было целую ночь ждать поезда на Томск. Закончилась Великая Отечественная война, и станционные пути были забиты воинскими эшелонами. В одних ехали демобилизованные солдаты, в других на Восток двигались эшелоны с военной техникой, солдатами. Рядом с нами в зале ожидания расположилось подразделение солдат в ожидании своего эшелона. Увидев, с какими восторженными глазами я смотрел на них, солдаты взяли надо мной опеку. С разрешения мамы они повели меня в солдатскую столовую, и я сейчас помню вкус и аромат воинского борща и гречневой каши с тушёнкой. Потом повели меня в кинозал на вокзале. Шёл какой-то иностранный фильм с субтитрами, на экране много пели, но я ничего не понял, так как читать толком ещё не умел, хотя солдаты смеялись. Фильм не успели досмотреть. Раздалась команда «Встать, на посадку!» Я побежал за своими солдатами и со слезами просил взять меня с собой. Грустно улыбаясь, они убеждали меня, что не могут взять, потому что в армии таких маленьких шинелей нет, а без шинели в армии нельзя, надо подрасти. Я долго стоял и смотрел вслед ушедшему составу, пока не растаял дым от паровоза.

Когда я прочитал повесть Валентина Катаева «Сын полка», я вспомнил своих солдат, их трёхпалые рукавицы, шапки-ушанки, особый запах солдатских шинелей.

* * *

Когда я вернулся в уголок, где мама расположилась в ожидании поезда, увидел приятную женщину, которая сидела на нашем чемодане и оживлённо беседовала с мамой, убеждала, что всё у неё будет хорошо. Мама выпила на ночь лекарство, которое содержало снотворное. Утром не оказалось ни «приятной» женщины, ни нашего чемодана. Впоследствии мама получила сообщение транспортной милиции станции Тайга, что воровку задержали, но вещи она уже распродала, пропали документы.

* * *

Когда мы едем в Ессентуки, приходится на станции Тайга ждать 8 часов посадки на поезд «Тында – Кисловодск», и я всегда вспоминаю встречу с солдатами в 1945 году, прохожу по вокзалу, где находились столовая, кинозал. Конечно, вокзал изменился, много киосков с сувенирами, кафе, но детская память сохранила молодые лица солдат, эту незабываемую встречу.

* * *

В Томске остановились на заезжем крестьянском дворе, который находился, кажется, на улице Загорной. К счастью, здесь же остановились работники Кожевниковского райвоенкомата, которые маму знали хорошо и убедили незамедлительно ехать в Кожевниково, пообещав решить вопрос с работой и жильём.

Как я сейчас понимаю, работая в Кожевниковском райвоенкомате с 1944 года машинисткой, она пользовалась уважением за свой добросовестный труд. У нас сохранились её Почётные грамоты райисполкома, благодарности в трудовой книжке. В 1946 году её наградили медалью «ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941-1945 гг.».

Удостоверение к медали, которой мама была награждена в 1946 году.

И вот мы возвращаемся в Кожевниково. От Томска ехали на лошадях двое суток, ночевали в крестьянском заезжем дворе (кажется, в селе Карбышево), где ночью было очень много народу, и стоял огромный самовар, поразивший моё воображение своими размерами.

20 марта 1946 Ларичеву Н.Н. вновь оформляют на работу в военкомат машинисткой. Временно нас поселили в «хомутовке» – помещении, где хранили и сушили конскую сбрую, находились керосиновые лампы (электрического освещения тогда в Кожевниково ещё не было). Сейчас представляю, ка-

кой «аромат» стоял в этом нашем жилье. Вещей было мало, так как нас обокрали на станции Тайга.

Я испытывал щемящее чувство голода, когда мы жили в хомутовке. Мама потом рассказывала, что я просил её посмотреть, нет ли в погребе гнилой картошки (у нас раньше был погреб). Помню, как в это время одна богатая женщина (не хочу даже называть её фамилию), жена руководящего работника, выменивала у мамы вещи на овощи. Видел, как мама, принеся немного картошки, украдкой смахивала слёзы, чтобы я не видел её расстройства. Тогда я ненавидел эту женщину.

В хомутовке жили недолго, нам дали временное жильё в избушке около военкомата. Мебели, посуды не было. Помню, как получив по талону горошницу, сев на пол, ели её деревянными ложками из бидончика. Я уже сказал, что с едой было плоховато, своего ничего ещё не вырастили, поэтому с тех пор люблю горошницу. Надя и сын Саша моей любви к этому блюду не разделяют.

* * *

Отсветы ласковых слов материнских,
Отсветы белой цветущей земли...
Всё это так оглушительно близко
А остальное – исчезло вдали.

Скоро маме дали квартиру в доме на берегу Оби, около предприятия «Заготзерно». Квартира состояла из одной комнаты и больших сеней, была плита, и мы помаленьку начали обживать: мама купила стол, стулья, необходимую посуду. При доме был большой огород, посадили картофель, овощи. Постепенно жизнь налаживалась

* * *

1944 – 1950 годы были трудными, но настроение у кожевниковцев было приподнятым. После долгожданной Победы появилась надежда на улучшение жизни, я слышал это из разговоров маминых соседей. В эти годы маме приходилось много работать с утра до поздней ночи, оформлять документы на призывников, демобилизованных, на солдат, погибших на фронтах. Нужно было ещё дежурить ночами в военкомате.

В 1946 году я учился в первом классе, уже тогда забота о матери, её здоровье лежала на мне. Помню, как приду из школы, хочется есть. Варю картошку. Поем сам и сразу несю маме на работу: столовой-то в то время никакой не было, а кто о ней позаботится, кроме меня.

Идти приходилось мимо дома, в котором жил прокурор района. Каждый раз для меня было пыткой миновать этот дом. Дело в том, что прокурорский огненно-рыжий петух всегда неожиданно выскакивал из-под ворот, набрасывался

вался на меня, несущего кастрюльку с картошкой и кусочком хлеба для мамы; начинал клювом долбить в спину и размахивать крыльями, больно ударяя меня. Я спасался бегством, но он ещё долго гнался за мной. Это повторялось неоднократно, всякий раз он будто караулил меня.

Петух нападал на всех проходящих, нападал и на маму. Однажды, отбиваясь от него, она ударила его по голове палкой, и он испустил дух. Мама перепугалась: ведь петух-то был прокурорский. Но жена прокурора успокоила её, сказав: «Спасибо, что избавила от этого идола. Он ведь и нам не давал проходу».

В райвоенкомате мама проработала до 1955 года, до выхода на пенсию по инвалидности. И даже на пенсии я никогда не видел её, сидящей без дела. В квартире у нас всегда было чистенько, уютно. Много сил она отдавала огороду, который являлся для нас дополнительным источником дохода. С ранней весны мама продавала на пристани зелень, попозже свежие и малосольные огурцы, лук, капусту. Землю она любила, та ей платила хорошим урожаем.

Команды грузовых теплоходов, самоходных барж, катеров были её «оптовыми» покупателями, иногда специально останавливались недалеко от нашего дома, чтобы купить овощей и картошки для питания команды.

Я с раннего детства помогал на огороде, как мог. Основной моей обязанностью, когда стал постарше, был полив огурцов, капусты и прополка различных грядок. Лето в Кожевникове было обычно жарким, а осадков, по моему мнению, было очень мало. Носить воду из-под крутого берега в вёдрах на коромысле было тяжело. Как минимум мне приходилось раз 10-15 сходить за водой. Естественно, что мысль работала, как облегчить свой труд. Я «изобрёл» новый способ полива: экономил воду, один ковшик растягивал на несколько лунок, чтобы смочить землю только сверху. Такое «новшество» мама быстро разоблачила, потому что огурцы начали сохнуть, плохо расти. Я был подвергнут «критике» и больше после того не экспериментировал с поливкой. Мне была установлена жёсткая норма – один ковш на лунку.

Моя мама была прекрасная хозяйка, об этом говорили соседи, а позже моя жена Надя отмечала это. Она умела приготовить вкуснейшие пельмени – пальчики оближешь. А какое вкусное стряпала печенье, булочки, пирожки! В день моего 30-летия у нас были гости, мама привезла такие пироги и булочки, что никто не прикоснулся к тортам из магазина, сказав, что печенье Натальи Николаевны тает во рту.

Работая в Хмелёвке, я часто привозил учительниц из Александровки Катю и Аню, а также Алю Тарубарову и Надю Колобову (мою будущую жену) в гости к маме. Всех их она с удовольствием угощала.

Девушки, которых я привозил к маме из Хмелёвки и Ново-Александровки.
Слева Вера, жена брата, учителя Катя, Таня, Надя, Аля и мама.

Позднее её навещали Анечка и Гена Маргулисы, приезжавший в командировку в Кожевниково Саша Маслаков, когда он работал в облисполкоме, впоследствии наш сосед на улице Кулагина в Томске. Её гостеприимство вызывало у всех чувство благодарности.

* * *

Когда мы с Надеждой уехали в Томск, при всей нашей занятости на работе старались бывать у неё каждое воскресенье. Как можно чаще приезжали с сыном Сашей. Во второй половине семидесятых годов она чувствовала себя уже плохо, ей становилась в тягость стирка, уборка квартиры. Надежду не надо было ни о чём просить, она сразу же по приезде, окинув всё взглядом, начинала делать уборку, я носил воду, иногда организовывали стирку. Стиральной машины тогда ни у нас, ни у мамы не было.

Как бы она себя плохо ни чувствовала, всегда старалась угостить нас чем-то вкусненьким. Сын, ставший старше, навещал её нередко один. Во всём помогал.

Тени, тени, всюду тени
Дней минувших и людей.
Нету прошлому забвенья
В горькой памяти моей.

Домой мы всегда уезжали от мамы нагруженные вёдрами с капустой, огурцами, вареньем и обязательно стряпнёй. А как она умела до свежих огурцов сохранить солёные! После засолки перекладывала их в бочку с квашеной

капустой, и они приобретали изумительный вкус. Пишу об этом, а у меня текут слюнки, как хочу её огурцов.

Часть своих умений мама передала Надежде. У неё тоже получаются очень вкусные булочки, сладкие пироги. Когда я их ем, всегда вспоминаю маму и её заботу обо мне. Мама была хлебосольной, умела дружить с соседками, часто они собирались у неё за чашкой чая отведать её угощения.

Не могу не сказать тёплых слов и о родителях Надежды. Кроме того, что до трёх лет с 4 месяцев Саша жил у них, они помогали нам своими посылками. Когда Пелагея Николаевна и Николай Андреевич жили в Бакчаре, они присылали мясо, сало, творог, замороженное молоко. Особенно были вкусными копчённые ими мясные продукты. Даже дрова, когда мы жили на улице Октябрьской, 10, привозил дядя Саша Гололобов, брат Пелагеи Николаевны. Он работал водителем и часто бывал в Томске.

Переехав в Алма-Ату, Пелагея Николаевна и Николай Андреевич продолжали снабжать нас фруктами, вареньем. Так что, благодаря заботам родителей, до 50 лет мы жили без забот о хлебе насущном.

* * *

Мне нравилась в моей маме её любовь к птицам и другим животным. Зимой она подкармливала всякую живность, устраивала кормушки для птиц. Я любил наблюдать, как слетались стайки снегирей, толстых и важных, как генералы в красных мундирах, и рассаживались на кормушке. Они не обращали внимания на суетливых синиц и воробьёв, корма хватало всем.

Мама постоянно подбирала какую-нибудь бездомную собаку, кота, которого кормила варёными яйцами, котлетками. Эта любовь к животным перешла и мне. На мичуринском участке бездомные кошки приходят в наш домик, просят еды и изъявляют желание остаться жить в нём.

В конце семидесятых мы, чувствуя, что маме уже трудно одной (со здоровьем проблемы были всё чаще), стали настаивать на переезде к нам в Томск. Тогда ещё не было моста через Обь, и пока не замёрзнет река, Кожевниково становилось отрезанным от правобережья. Один раз перевезли её с вещами. Но она вскоре попросила увезти её назад в Кожевниково: «Что я тут, как воробей, сижу целый день одна на четвёртом этаже. Вас нет: целыми сутками на работе, Саша на учёбе. Мне скучно. Везите домой: у меня там соседки, огород, птички, рядом река. Выйду, похожу. Всё своё. Лучше вы чаще будете ездить».

Для нас отъезд её в Кожевниково был постоянным переживанием. Надежда, работая в райкоме, приходила только ночевать, я в роли заведующего горно тоже не имел свободного времени. Но по одному, вдвоём, а иногда все трое постоянно навещали её.

Мама умерла на моих руках 6 ноября 1984 года. Надя в своих воспоминаниях подробно описала те траурные дни, ту помощь, которую оказали нам люди. Мне очень тяжело вспоминать об этой потере родного человека. Тем более, что отца я не помню, настолько был мал, когда его не стало с нами.

Горькое чувство безотцовщины было мне знакомо не только по русским народным сказкам и другим художественным произведениям. При всей любви мама не могла дать мне того воспитания, которое дети получают в полных семьях. Когда отца арестовали, мне было немногим более двух месяцев. Последствия этого я ощущал и продолжаю ощущать сейчас. Я имею мало навыков мастерового человека, и мне часто приходится обращаться к сыну Саше с просьбой что-то отремонтировать, исправить. Саша получил эти навыки от своего деда Николая Андреевича, когда жил у них в Алма-Ате, да и уроки труда в школе помогли, когда я учился, в Кожевниковской школе уроков труда не было. При всей занятости Саша нам не отказывает в помощи, но говорит, вроде в шутку: «Дедушки это сами делают». Приходится молчать. Учителя – женщины, на работе в горно - тоже женщины – всё это не могло не сказаться и на моём характере. Зато мне привита мамой любовь к растениям, я с удовольствием выращиваю рассаду и даю консультации Надежде, соседкам, как надо правильно вскапывать огород.

Пока я учился в младших классах, ещё как-то не задавался вопросом, почему у меня нет отца. Мои друзья, некоторые одноклассники тоже росли в неполных семьях. Коля Васильев, мой друг детства, вообще был круглым сиротой и жил у своей тёти. Коля по натуре был очень добрым и верным другом. У Гены Пастухова отец не вернулся с войны, а у Толи Константинова отец бывший председатель райисполкома был репрессирован тоже в 1938 году.

Став старше, я уже осознанно воспринимал рассказы матери об отце. Видел, как много она хлопотала по восстановлению его честного имени, о документах, отражающих его работу в партийных органах, трудовой стаж и что ей стоило назначение пенсии. Но, к сожалению, подробных разговоров о жизни отца, о его родителях, о периоде их жизни с мамой я не вёл. Остались только отрывочные воспоминания из её рассказов.

... Отец, как жаль, что не пришлось
избыть разлуку нам,
но если
с тобой мы жили врозь,
зато всю вечность будем вместе.

Когда в стране начался период гласности и многие факты событий, происходивших в стране в те годы, стали известны, открывались архивы, появилось множество публикаций в прессе о репрессиях, я поставил цель узнать подробнее о своём отце. Писал в архивы, в музей имени Арсеньева во Владивостоке, а также в редакции газет, рассказывающих о событиях тех лет, связанных с отцом. Отовсюду я получал доброжелательные ответы (особенно из архива Томского обкома КПСС). Правда, в основном эти ответы касались только хронологии работы отца в районах Новосибирской области, а мало давали ин-

формации, чтобы мне можно было сделать вывод о характере отца, его особенностях как человека.

В марте 2010 года мне удалось поработать с документами в Центре документации новейшей истории Томской области и, благодаря заместителю директора центра Кан Галины Исааковны, мне удалось познакомиться с документами 1937-38 года, касающимися работы Ларичева К.И. секретарём Кожевниковского райкома ВКП(б). Я держал справки, записки, лично написанные отцом, его резолюции на документах. Оказалось, что у нас очень похожий почерк и совершенно одинаковая роспись, хотя ранее я никогда её не видел. У меня даже мурашки побежали по спине. Мелькнула мысль, как моя бумага попала сюда?

Прочитал протокол бюро райкома, на котором отца исключали из партии, прочитал о нелепости обвинений. Я посмотрел аналогичные документы, касающиеся других лиц, понял, как был незащищен человек в этот период, как не ценилась его жизнь. После прочтения документов, задумался: «Смогу ли и сейчас я отстаивать, как ранее, мои убеждения?»

Думаю, что смогу, так как отец, судя по документам и, по отзывам знавших его людей, был сильным человеком, убеждённым коммунистом. Просил мать воспитать сыновей честными людьми.

Очень сожалею, что, будучи в туристической поездке в Японии, я ничего не знал о захоронении погибших в Японском море пассажиров парохода «Индибирка». Узнал об этом только после возвращения. Всё мучительно думаю: «А вдруг, если б раньше появился материал в газете «Известия», я бы мог побывать на месте гибели отца». В то же время отчётливо понимаю, что едва ли бы в 70-е годы прошлого века это стало возможным. Правила поведения граждан СССР за границей были жёсткими, и кто бы мне разрешил отлучиться от группы? Но мысль эта меня мучит.

Недавно свои знания о гибели парохода «Индибирка» я пополнил материалом из интернета. Много сил и времени пришлось потратить, чтобы воспроизвести жизненный путь того, кто дал мне жизнь.

Сейчас постараюсь рассказать в хронологическом порядке о жизни моего отца Капитона Ильича Ларичева по тем сведениям, которые остались от рассказов мамы и по архивным материалам.

Вот что пишет отец в своей автобиографии: «Родился в 1899 году в Ивановской области (бывшей Костромской губернии). В деревне Андреевка Юрьевоецкого района, в семье крестьянина-бедняка, хозяйство, которого состояло из 6 десятин (1 десятина = 1,09 гектара) земли (пахотная, сенокосная и под лесом), посев производился на площади полутора десятин. Имелась одна лошадь, корова и три овцы. Семья состояла из 7 человек: отец, мать, три дочери и два сына.

Мой отец в молодости больше жил по найму, особенно зимой и весной. Старшей из детей в семье была сестра, и я рос вторым, остальные были младше меня.

Умер отец в 1915 году, когда мне было 14 лет (перед этим он болел 4 года и заниматься хозяйством не мог). Старшую сестру выдали замуж в 1913 году. После этого всё хозяйство легло на мои плечи, т.к. я оставался старшим в семье»...

Видно, что практически детства у моего отца не было. Работает по найму в кулацких хозяйствах, а летом на своём наделе. Собранного урожая хватало ненадолго и снова приходилось наниматься батраком, чтобы заработать хлеб для всей семьи.

Вот как описывает отец работу батрака: «Зимой жил в работниках на лесозаготовках у кулаков Андреевского, Вдовина, Кузина. Пять лет был пастухом в своей деревне, летом на лесосплаве у этих же кулаков».

Естественно, что об учёбе в школе речи не шло. Учился только одну зиму. Никто из семьи Ларичевых в школе также не учился.

В сентябре 1918 года моего отца Капитона Ильича призывают в Красную Армию. Никакой военной подготовки у него не было, кроме изучения винтовки, и он был направлен на фронт в 240-ой Тверской полк, 27-ой дивизии, 5-ой армии. Только в Красной Армии отец стал разбираться в политических вопросах: кто такие большевики, меньшевики, какие были партии.

В марте 1919 года Ларичев К.И. попадает в плен к белым. Содержался в лагерях для военнопленных в Златоусте, Петропавловске, Красноярске. Гоняли пленных красноармейцев на различные тяжёлые работы. В плену Капитон Ильич переболел тифом, дизентерией.

В декабре 1919 года рабочие Красноярска подняли восстание против белых, и отец влился в ряды восставших рабочих. В марте 1920 года Капитона Ильича Ларичева откомандировали охранять белополяков на заготовке дров, которая проводилась в 50-ти километрах от Красноярска. Здесь отец пробыл до июня 1920 года, после чего его отправляют на курорт на озеро Шира с санитарным отрядом. В этом отряде он находился до 1923 года, охраняя курорт от белобандитов. В отряде была партийная ячейка, и отец вступил там в ряды ВКП(б). Во время службы в Шира отец стал посещать занятия в пункте ликвидации неграмотности и политшколе.

В августе 1923 года Ларичев Капитон Ильич демобилизуется и уезжает в Красноярск. В сентябре 1924 года Енисейский Губком ВКП(б) направляет Капитона Ильича в Томск на рабфак, где он проучился полтора года, после чего Томский окружком командует его в конце 1925 года на работу инструктором Поломошинского райкома ВКП(б) Томского округа.

В ноябре 1927 году Томский окружком выдвигает Ларичева К.И. на работу в должности секретаря Юргинского райкома ВКП(б), где он работает до сентября 1928 года. Затем был командирован на курсы уездных партработников при ЦК ВКП(б), которые окончил в мае 1929 года.

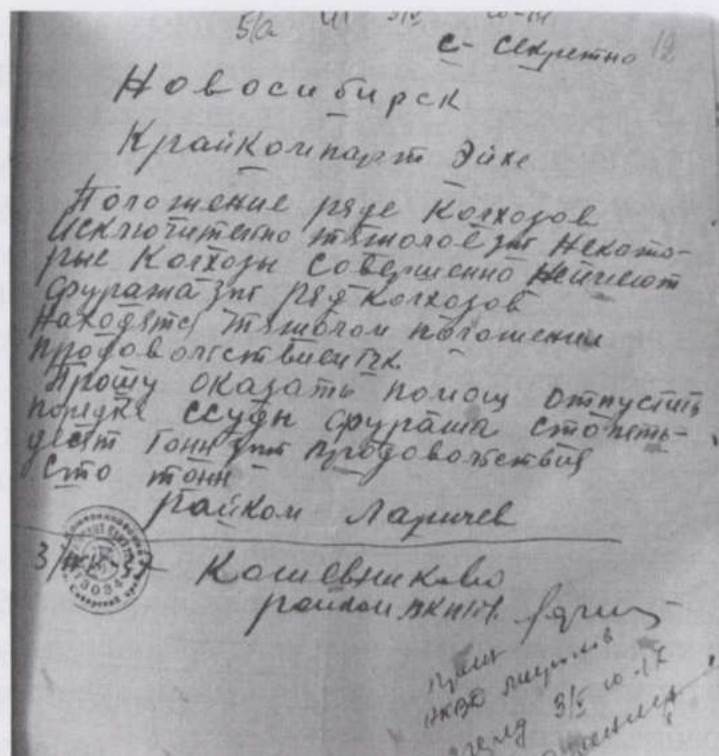
По окончании курсов Ларичев К.И. избирается секретарём Болотнинского райкома, затем секретарём Ново-Кусковского (ныне Асиновский район) райкома партии, где проработал до 1933 года. В январе 1933 года Запсибкрай-

ком направляет его секретарём Быстро-Истокского райкома, затем Курьинского райкома ВКП(б).

С 1930 года Ларичев К.И. был членом Томского окружка ВКП(б).

В мае 1937 года отца избирают первым секретарём Кожевниковского райкома ВКП(б), а уже 8 января 1938 года Ларичев Капитон Ильич был арестован УНКВД по Новосибирской области «За участие в контрреволюционной право-троцкистской организации». До этого он был исключён из партии с формулировкой: «За притупление классовой бдительности; за содействие контрреволюционной подрывной работе Богдашкина, Григорьева и других; за непартийное поведение на Курьинском процессе; провал работы по уборочной и хлебозаготовкам в Кожевниковском районе Ларичева из рядов партии исключить».

Секретарь райкома ВКП(б) Смирнов.

Телеграмма Ларичева К.И. секретарю Новосибирского крайкома ВКП(б) Эйхе. 3.IV.1937 г.
Архив новейшей истории Томской области

По рассказу мамы, отца содержали в следственной тюрьме НКВД в городе Томске (сейчас в этом здании, на улице Ленина, 44, находится музей жертв политических репрессий).

* * *

Когда 16 января 2010 года я работал в читальном зале областного архива, ко мне подошёл мужчина и спросил: «Вы Ларичев Роберт Капитонович? У Вас в 14 школе работала моя жена Светлана». Разговорились, я сказал, какой материал об отце разыскиваю. Собеседник представился: «Ханевич Анатолий

Васильевич, работаю в обществе «Мемориал». Пригласил в музей жертв политических репрессий Томской области, который располагается в подвале бывшей следственной тюрьмы НКВД, попросил принести имеющиеся документы об отце, чтобы скопировать их. Договорились о встрече. Я долго откладывал посещение и вот в начале апреля 2012 года я пошёл в музей. К сожалению, экспозиции провели на меня настолько тяжёлое впечатление, что у меня не было сил осмотреть помещения до конца. Всё время думал, в какой из этих камер содержался отец, что по этим узким коридорам с низкими подвальными потолками конвоиры водили его на допросы, а что чувствовали подследственные, находясь в этой тюрьме даже представить трудно...

Ужасали цифры количества людей прошедших через эту тюрьму.

* * *

Отца арестовали и увезли в Томск без тёплых вещей. Трудно представить, что пришлось пройти маме, чтобы добиться свидания с отцом и передать вещи! И она добилась. Через много лет она рассказала мне об этом. Во время свидания в следственной тюрьме НКВД, отец сказал: «Наташа, я не в чём ни виновен, я чист перед партией. Время оправдает меня. Передай это сыновьям».

9 мая 1938 года военный трибунал войск НКВД западносибирского округа приговорил Ларичева К.И. к 15 годам тюремного заключения. После суда его этапировали в Севвостоклаг, г. Владивостока.

* * *

Мне удалось собрать некоторые сведения о предъявленных отцу обвинениях. Основная формулировка: «Участие в троцкистско-бухаринском заговоре, для чего Ларичевым и другими лицами срывались поставки государству зерна». Вместе с отцом по этому обвинению были арестованы председатель Кожевниковского райисполкома и ряд других лиц.

Чтобы показать атмосферу вокруг этого «дела», приведу отрывки из статей в газете «Советская Сибирь» в октябре 1937 года (эти материалы мне выслали из Новосибирского архива). 2 октября в передовице «Решительно поднять темпы хлебосдачи» среди отстающих называется Кожевниковский район (секретарь райкома т. Ларичев, председатель райисполкома т. Федотов), хотя сдавать уже было нечего, остался только семенной фонд, не оставалось фуражного зерна.

11 октября публикуется статья «О процессе над троцкистско-бухаринской диверсионно-вредительской бандой, орудовавшей в Курьинском районе». Одним из обвиняемых там является председатель райисполкома Богдашкин, в связи с чем, сказано: «Жаловаться на бывшего предрика в районе было некому, ибо бывший секретарь райкома ВКП(б) Ларичев всячески прикрывал дело врага народа Богдашкина».

15 октября опубликована статья о положении дел на хлебозаготовках в Кожевниковском районе. Привожу выдержку из этой статьи: «... всё дело в том, что до последних дней секретарём райкома был небезызвестный по Курьинскому району Ларичев. Процесс, проходящий сейчас в Курьинском районе, вскрывает действия Ларичева и там. Это под его покровительством орудовал враг народа Богдашкин». И, наконец, 16 октября в отчёте о процессе написано: «...свидетельскими показаниями доказано, что Ларичев знал Богдашкина ещё в 1927 году, работая вместе с ним в Юргинском районе».

Конечно, план по хлебозаготовкам можно было выполнить и перевыполнить, заставив колхозы сдать зерно из семенного фонда, обречь колхозников на голодное существование. Руководители района на это не пошли, и расплата не замедлила.

* * *

Мама постоянно обращалась в различные инстанции с просьбой о пересмотре дела Ларичева К.И. и вот ею получен ответ: «17 августа 1939 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговор от 9 мая 1939 года отменила, дело было направлено на новое рассмотрение. В результате проведённого исследования участие Ларичева в контрреволюционной организации не подтвердилось, 2 января 1940 года дело на него было прекращено Военной прокуратурой Сибирского военного округа за недоказанностью улик».

Ларичев К.И. был освобождён из-под стражи. И вот я представляю, что же с отцом было далее, когда его освободили и разрешили вернуться на Большую Землю, домой. Воображаю, как он радовался возвращению на пароходе «Индигирка».

А сейчас читаю в газете «Известия»: «С надеждой на лучшую судьбу поднимались на борт «Индигирки» измождённые суровой лагерной жизнью магаданские «зеки». Среди почти полутора тысяч необычных пассажиров, до отказа заполнивших тесные корабельные помещения, находились женщины и дети. Восьмого декабря 1938 года, грузовой пароход «Индигирка», принадлежащий Дальстрою, из бухты Нагаево взял курс на Владивосток. На борту было 1134 человека пассажиров и 39 человек экипажа, из них 835 отбывших свой срок заключённых, 50 этаплируемых на пересмотр дел, десять конвоиров, остальные рабочие с семьями, отработавших срок найма, отпускники. Были на борту и дети. Заключённых разместили в донном, носовом трюме. Нар не было, лежали на палубе. Над трюмом располагались конвоиры. В ночь на 12 декабря жестокий 11-бальный шторм встретил пароход у входа в пролив Лаперуза. Сильный ветер, снег, волны затрудняли работу экипажа. Обычно такой шторм моряки пережидали вдали от берегов, но на этот раз капитан решил нарушить старую морскую заповедь.

Заступивший на вахту второй помощник капитана допустил ошибку в определении маяка. Эта ошибка оказалась роковой. Следуя в заданном направлении на выход из пролива, подгоняемый волнами, пароход сел на камни

рифа. Судно получило пробоину по всей длине корпуса. Удары волн и ветра перебросили его через риф, опрокинули на правый бок с креном до девяноста градусов. Хлынувшая через пробоины вода обжигала людей ледяным холодом...»

* * *

В интернете можно найти документы, раскрывающие причину этой трагедии, названы виновные лица. Из документов следствия, рассказов очевидцев видно, что пароход не был приспособлен для перевозки пассажиров. Отсутствовали спасательные средства (на борту было всего две шлюпки вместимостью по 40 человек каждая, спасательными поясами пароход был обеспечен только по количеству членов экипажа и 12 спасательными кругами).

Всего погибло 741 пассажир и четыре члена экипажа. Это была одна из крупнейших морских катастроф в истории человечества.

Когда случилась катастрофа, конвойные и начальство оставили без помощи запертых в трюме людей. В полузатопленном, замкнутом пространстве они погибли мучительной смертью. Часть пассажиров будет смыта водой. Начальник конвоя запретил открыть люки и оказывать помощь в спасении заключённых. При их попытке выбраться конвой открывал стрельбу.

Олег Матвеев

ПАМЯТНИК В САРУФУЦУ

Горькой памяти «Индибирки» посвящается.

Здесь волны плачут. Здесь камни плачут.
Слышны глухие сквозь позёмку голоса —
Погибших тени в полумгле маячат
И стон их тяжкий улетает в небеса.

Свинцовой точкой по-бандитски время
Итоги нашим подводило землякам —
Прицельно били карабины в темя
Тем, кто метался по затопленным трюмам.
Искра надежды слабой, безысходность,
Смертельный ужас, обжигающая боль...
Венком терновым увенчала подлость
В ту ночь несчастных за трагическую роль!

... Седеют головы, тускнеют монументы
И бронзаobelisksов с площадей,
Но в жизни есть особые моменты, что не стареют в памяти людей.

Здесь. В Саруфуцу, где швыряет море
О берег волны, в горечь слёз дробя,
В суровом камне, спаянные горем,
Обнявшись, трое замерли, скорбя...

Все очевидцы, документальные свидетельства отмечают большую роль руководства и жителей японского посёлка Саруфуцу, в спасении оставшихся в живых пассажиров. Подчас с риском для своей жизни японцы спасали пассажиров тонущего парохода. Вот как об этом написал японец Исикава Кикё.

Ах, пароход «Индибирка!»

Это случилось в середине декабря 1939 года.

В северном море разразилась снежная буря, вдруг появились огромные волны, и большой пароход, наскочивший на подводный камень, из-за качки, оказался затопленным водой и в одно мгновение перевернулся на бок.

Жена ищет мужа, а дети зовут мать. Они обнимают друг друга.

Но в конце концов силы покидают их.

Японские жители, узнав об этой катастрофе, рискуя жизнью, изо всех сил ведут спасательные работы, невзирая на то, что в беде оказались люди чужой страны. Разве можно оценить эти идущие от всей души поступки?!

Но какая беда! Всё-таки более 700 человек погибло в море.

И только слышен печальный шум волн. Души умерших остаются здесь на вечно

Ах, пароход «Индибирка»! Пароход «Индибирка»!

Облака плывут низко-низко, слышно, как плывут волны на побережье Онисибэцу, где мы вспоминаем о прошедшей трагедии.

Уже прошло много лет теперь на прибрежном холме у моря, откуда вдали при закате солнца видна их Родина, поставлен памятник душам умерших.

На побережье очень печально дует ветер.

Исикава Кикё.

В 1970 году в посёлке было создано «Общество по сооружению памятника погибшим при кораблекрушении парохода «Индибирка», а 12 октября 1981 года состоялось открытие монумента. В Советском Союзе гибель парохода долго замалчивалась. Даже сейчас в музее имени Арсеньева во Владивостоке нет списков погибших в этой катастрофе.

* * *

В сентябре 2012 года в томских средствах массовой информации с волнением я прочитал, что поисковая команда аквалангистов из томского клуба «Скат» вернулась из четвёртой экспедиции. Привожу текст сообщения дословно: «Аквалангисты искали останки двух кораблей с именем «Томск», но не смогли найти их. Однако подводникам удалось обследовать советский пароход «Индибирка», затонувший 73 года назад.

В 1939 году судно затонуло в Японском море. Пароход сел на мель и затонул у мыса Соя на Японском острове Хоккайдо. На борту находилось около тысячи политзаключённых. В результате аварии погибло около семисот пассажиров «Индибирки».

Подводники обнаружили затонувший пароход на дне Японского моря около острова Карамзина. В советское время эту историю замалчивали, а судно подняли и перезатопили в Советских водах. Эта была одна из крупнейших катастроф в истории человечества. Томский областной департамент по молодёжной политике, физкультуре и туризму информирует, что члены судна установили мемориальную табличку: «В память о морских катастрофах».

* * *

В декабре 1988 года я обратился в комиссию партийного контроля Томского ОК КПСС с просьбой рассмотреть вопрос о восстановлении в рядах КПСС моего отца Ларичева К.И. 25 января Постановлением бюро Томского обкома КПСС он был реабилитирован в партийном отношении (посмертно).

Глава 3.

Раннее детство, школа, армия.

Я родился 29 октября 1937 года. Для меня эта дата знаменательна вдвойне, т.к. является Днём рождения комсомола.

Из самого раннего детства у меня мало воспоминаний, в основном помню события, когда мы жили на улице Береговой. А вот, как ходил в детский сад, у меня впечатлений не осталось, только мама говорила, что ей воспитатели часто жаловались на меня за организацию драк и непослушание.

Из раннего детства запомнилось несколько событий, которые я очень чётко вижу.

Перед глазами стоит покупка первой игрушки. Мама купила мне деревянный броневик, покрашенный зелёной краской, её запах я помню и сейчас.

А ещё ярко помню, как около села совершил вынужденную посадку истребитель «Лавочкин». У него кончилось горючее. Самолет отбуксировали в село, он стоял напротив нынешнего базара. Винт его был погнут. На телеграфе я увидел лётчика в шлемофоне, на лице у него ссадины, пилот звонил куда-то. Пока самолёт готовили к транспортировке, мы целые дни проводили около него.

Вспоминаю, как горела двухэтажная школа. Было огромное зарево, беспрерывно звонил колокол. По малости лет (ещё не учился), я не был отпущен на пожар и смотрел с крыльца, как летали над пожарищем горящие головёшки. Ученикам (в том числе и моему брату Виктору) пришлось заниматься в разных помещениях, разбросанных по селу.

Большой интерес вызвала «авторота» студбеккеров. Машины, наверное, прибыли на сельхозработы, водителями были солдаты. Малышня постоянно крутилась около машин, стараясь «помочь» водителям. Если к тебе обраща-

лись с просьбой подать ключ, принести воды, то счастливец был на седьмом небе.

Памятна бомбардировка ледяного затора на Оби, ниже Кожевниково. По течению реки образовался ледяной затор, и вода стала стремительно затоплять берега. Видел, как прилетело звено из трёх бомбардировщиков Пе-2, которые заходили на боевой курс вдоль реки мимо нашего дома и сбрасывали бомбы на затор. Собравшиеся люди видели, как от самолётов отрывались чёрные точки бомб, но сами взрывы не впечатляли, как их показывают в кино. По-видимому, бомбы были не очень большие, но мы потом долго играли в «бомбардировщиков».

Незабываемо, как в дом к нам залезли воры, когда я был в доме один (нас почему-то часто обворовывали). Чтобы я ворами не мешал, они сбросили меня в подпол. Падая, я ударился головой, но слышал, как воры ходили по квартире, переговаривались, забрали все продукты, какие были в доме. Вещи не тронули, да и их было немного. Милиция воров поймала. В подполе я просидел до самого вечера, пока мама не пришла с работы. Надо представить её ужас, когда она услышала мой голос из-под пола.

В моём детстве были частенько и курьёзные случаи. Однажды на столе лежали вяленые щучки с раскрытыми ртами, и меня заинтересовало устройство щучьих зубов. Я засунул палец в пасть рыбине, а обратно вытащить не мог. Оказалось, как я потом узнал, у щук зубы очень острые и загнуты назад, чтобы добыча не могла выскользнуть, и вот эти зубы впились мне в палец.

Прибежавшая на мой крик мама сразу не смогла понять, почему я громко реву и бегаю по комнате, подняв руку с рыбиной. Кое-как мой палец освободила из плена, но я обиделся, почему мама при этом смеялась. Долго после этого вспоминая мой «эксперимент», хохотали вместе.

* * *

После пяти лет я уже не посещал детский сад и вёл «свободный» образ жизни. Мама, уходя на работу, давала наказания по нашему немудрёному хозяйству: сделать уборку, начистить и сварить картошку, вымыть посуду. Когда стал постарше – полить огород. Все наказания я старался быстренько выполнить. Для быстроты уборки ограничивался заметанием мусора под половики, картошку, правда, варил по обычному рецепту. Следил, чтобы не разварилась. Про эксперименты с поливкой огорода я уже рассказывал.

Выгнав кошку на улицу и схватив удочки, я спускался под берег, где уже собиралась компания таких же «свободных людей». Приносили сковородку, растительное масло. Рыбачили, тут же потрошили пойманных ельцов, ершей и жарили. Конечно, все «наловили» описторхов. Большая печень давала знать о себе всю жизнь.

У многих ребят было проблемой попасть в кино. Не всем родители могли дать деньги на билеты, и поэтому мы часто были заняты поисками способа попасть на сеанс. Однажды с напарником бродили около клуба, и наше внима-

ние привлекли открытые двери, проветривался зал перед началом сеанса. Пробрался на сцену и спрятались под ней. Когда начался сеанс, прокрались в зал все в паутине и пыли. Несколько раз использовали этот способ, пока я не ободрал нос пробираясь в темноте под сценой. После этого я не стал использовать этот путь.

Когда я учился в 7 классе, в нашей компании возник спор: «Слабо переплыть Обь! Вызвались трое, и я присоединился к ним. Тогда перед Кожевниково не было островов, это сейчас основное русло Оби сильно сузилось из-за возникших островов. Так как течение быстрое и чтобы нас не снесло вниз по течению, поднялись берегом почти до самой «Красной горки». Там вошли в воду и поплыли. На всякий случай рядом с нами плыла лодка с другими спорщиками. Благополучно переплыли реку, но когда достигли противоположного берега и вышли на песчаную отмель, в руках от усталости ощущалась дрожь. Нас снесло течением до пристани. Пари мы выиграли и обратно возвращались на лодке.

Берег около нашего дома был высокий и обрывистый, и мы, изображая скалолазов, соревнуясь, поднимались по нему. Когда начинали поспевать лесные ягоды, наши интересы с реки перемещались в лес, где мы пропадали целыми днями, переплываясь в лодке на другой берег, где были заросли смородины, ежевики и кислицы. Кстати, мне очень нравилось зимой по льду переходить реку на противоположный берег. Даже в сильный буран в лесу было тихо, ветер шумел где-то высоко в вершинах деревьев, медленно падал снег. С лета на кустах смородины оставались ягоды, которые зимой приобретали изумительно сладкий вкус. Очень часто в этот поход я отправлялся один.

* * *

Во второй квартире нашего дома жила Краковская Надежда Фёдоровна, работавшая в редакции газеты «Кожевниковский колхозник», а позднее - инспектором облоно. Надежда Фёдоровна научила меня слушать радио. У нас был репродуктор «тарелка», висевшая высоко под потолком. Радио говорило тихо, и поэтому я становился на табуретку и подолгу стоял под репродуктором, слушая передачи. В те годы, к моему удовольствию, было много детских передач. Очень любил слушать сказки Бажова. Запомнилась сказка «Серебряное копытце». Это была первая услышанная мною по радио сказка. Тогда читали с продолжением повесть «Васёк Трубачёв и его товарищи». Любил слушать «Пионерскую зорьку». Позднее не раз писал письма в эту газету.

В первый класс я пошёл с 7 лет, но из-за болезни мамы, переездов не учился более 4 месяцев, и мама решила, что я пойду снова в первый класс на следующий год.

Учительница у нас была с классическим именем Мария Ивановна Извольская, очень добрая, умудрённая жизненным опытом. Ей пришлось много со мной помучиться из-за моего упрямого характера. Если мне надоело сидеть за партой, я брал букварь и спокойно ложился на пол, класс замирал, но

терпеливая Мария Ивановна спокойно говорила: «Дети работаем, Роберт устал, отдохнёт и начнёт работать за партой». Мне становилось стыдно, и через неделю таких «фокусов» я уже не показывал. К сожалению, Мария Ивановна, по состоянию здоровья учила нас недолго.

В первом и втором классе, особенно во втором, были проблемы с письменными принадлежностями, тетрадями. Мама приносила какие-то использованные платёжные квитанции из госбанка, и я на них писал. Во втором классе появились тетради. Особое внимание Мария Ивановна уделяла чистописанию. Перья продавались, а ручек ещё не было, да и у нас не было денег купить их. Выстрагивал палочку, привязывал ниткой перо №86, и получалась ручка. В последующих классах мы стали презирать перо №86 и старались писать перьями «рондо» или «щучкой» (так мы называли чертёжное перо), но ими нельзя писать с правильным нажимом, и учитель пресекал безжалостно наши нововведения. У тех, кто был замечен в непослушании неоднократно, перья изымались.

В начальных классах у нас была распространена игра в «перышки», в которой можно было хорошо выиграть, поэтому у каждого в запасе был не один десяток перьев, так что конфискованное быстро восполнялось.

Особой заботой были чернила. Ответственные ученики «работали» с сажой, я же этим «грязным» делом не занимался. Я готовил чернила из свёклы, которая натиралась на тёрке, сок отжимался, и этим соком писал. Особым шиком считались чернила с блеском, для чего в них добавляли сахар. Каждый старался, чтобы его чернила блестели сильнее. Одна беда, тетрадные страницы от сахара слипались, свекольный сок быстро прокисал. Когда в продаже появились «химические» чернила, опыты с домашними чернилами закончились. У меня не было чернильницы-непроливашки, приходилось носить в пузырьке. Однажды я принёс на урок бутылочку, в которую вошло полстакана чернил. Сидел на первой парте (учителя старались держать меня перед глазами), захотелось оглянуться к соседу, и я опрокинул бутылочку на классный журнал, залил всю страницу. Особо не ругали, но с первой парты пересадили. Потом в школе на каждый класс завели ящичек со стеклянными чернильницами, и дежурные, получив ящичек у вахтёра, расставляли их на парты. Мне очень нравилась эта процедура, поэтому в день дежурства старался приходиться в школу раньше.

Электрического освещения в школе не было, в классе было подвешено четыре двадцатилинейных лампы, казалось очень светло. В доме у нас была семилинейная лампа, потом десяти. Ламповое стекло было страшным дефицитом, если я его разбивал при чистке или оно лопалось, была трагедия. Жили с «коптилкой», пока не удастся купить стекло.

В начальных классах нас доучивала молоденькая Мария Васильевна Брюзгина (Извольская М.И. умерла). Жили мы с ней на одной улице, молодая девушка жила с матерью. Очень красивая, яркая. Иногда приглашала к себе группу ребят, мы помогали ей чертить поля в тетрадях красным карандашом для всего класса, вырезали из бумаги какие-то фигурки для уроков. Она поила

нас чаем. Мария Васильевна долго в Кожевниково не задержалась, вышла замуж за офицера, и он увёз её.

* * *

Учителя, работающие в среднем звене, не запечатлелись в памяти, они часто менялись. Интересным был учитель немецкого языка Фёдор Никитович Неделько, он недавно демобилизовался из армии и после демобилизации закончил факультет иностранного языка Томского педагогического института и был направлен в Кожевниковскую школу. У нас он работал недолго, его пригласили военным переводчиком, мы буквально открыли рты, когда Фёдор Никитович пришёл в класс в военной форме, с лейтенантскими погонами. Он пришёл попрощаться с нами.

Полный кавалер Орденов Солдатской Славы Фёдор Никитович Неделько. Работал в Кожевниковской школе учителем немецкого языка. В 1952 году вновь призван на воинскую службу и ему было присвоено звание «лейтенант». На службе был до 1956 года, после чего вновь работал учителем немецкого языка в Новосибирской области.

Фото из интернета. 2012 год.

Недавно в интернете я встретил сведения, что **Фёдор Никитович является полным кавалером Орденов Солдатской Славы** и почётным жителем Кожевниковского района.

Имя Ф.Н. Неделько представлено на Памятной стеле томичей – Полных кавалеров Ордена солдатской Славы на аллее Боевой славы томичей в Лагерном саду нашего города. Когда бываю там, обязательно подхожу к этой стеле.

* * *

Немецкий язык стала вести сестра Неделько Ф.Н., Варвара Никитовна, жёсткий учитель, мы её недолюбливали. Сейчас я понимаю, как трудно тогда было работать учителям немецкого языка: классы большие, по 30-35 человек, не делились на подгруппы, не хватало учебников; никаких методических комплексов, технических средств, как сейчас, я не видел. Не прибавляла любви к языку и закончившаяся война с фашистской Германией. Чтобы привить любовь у нас к немецкому языку, от учителя требовался настоящий талант.

Моя учёба в 5-6 классах в основном проходила спокойно. Изредка вызывали на совет пионерского отряда, один раз на общешкольный ученический комитет, сокращённо учком, за нарушение дисциплины, закрепляли девчонок - шефов. Зато я был награждён Похвальной грамотой за активный сбор берёзовой почки, а это очень трудное дело. Стакан кажется бездонным, и надежд наполнить его, нет, но я при норме сдать один, собрал полтора. Мне надо было испустить какую-то очередную провинность.

Был в редколлегии классной стенной газеты. Мне нравилось выпускать газеты о жизни класса; правда, приходилось иногда терпеть тумачи за критику одноклассников, всё же я продолжал газетное дело.

В шестом классе произошло событие, расстроившее маму.

Я собрал полулитровую банку майских жуков. Когда прохладно они находятся в оцепенении, неподвижны, и их легко собирать с берёз. Принёс в школу, открыл баночку и поставил под парту, где сидели девочки. Жуки отогрелись и начала расползаться по девчонкам. Представьте картину: тишина, перышки скрипят, идёт творческая работа, и вдруг раздаётся пронзительный визг одной девчонки, затем второй. Часть девчонок уже визжали, даже не зная причины. Мужская часть класса была в курсе готовящейся диверсии, переглядывались, посмеиваясь.

Начались допросы, дознания, «диверсанта» быстро вычислили и предупредили, что наказание будет неотвратимым. Я пытался оправдаться, что жуков принёс в кабинет биологии (мы как раз изучали насекомых), банка открылась «случайно». Не сработало.

В те годы в нашей школе часто применялось наказание – исключение из школы на одну, две недели. И вот выстраивается линейка. Директор зачитывает приказ об исключении из школы нарушителей. Как правило, это были старшеклассники, а я был исключён в 6 классе. Домой почему-то не сообщили, я тоже не спешил «обрадовать» маму. Утром брал сумку с учебниками, кусочек хлеба и отправлялся на «учёбу» в лес.

Школа находилась тогда на краю села, за ней сразу начинался лес. Деревья за годы войны срубили на топливо, остались только кустарник и небольшие берёзки, много было боярышника. Погода чудесная, там уже собрались другие «изгнанники». Поиграли в войну, порассказывали байки, полежали на травке, нежась под ласковым солнышком. Скоро уже идти домой, а вечером, придя с работы, мама попросит тетради (дневников тогда у нас не было), проверит домашнее задание. Как быть? Нашлись и ещё ответственные пацаны. Решили, что напишем классную работу, а за предыдущую домашнюю выставим оценки.

Выполняя задание, я специально делал ошибки, потом красным карандашом исправлял и выставлял оценку. Так было несколько дней. Вошли во вкус игры «в школу», но я допустил ошибку, следствием которой стало моё разоблачение.

В замечании к работе «учитель» написал: «Пеши чище!», поставил оценку «4» и со спокойной душой отправился домой.

Вечер. Мама пришла с работы, покормила меня, и начался ритуал проверки уроков. Параграфы я уже прочитал (по дороге домой встретил одного классника, узнал задание). Взяв тетрадь по русскому языку, мама прочитала замечание и нахмурилась, тихо говорит: «Что это за безграмотный учитель, да и почерк явно не похож?» И обращаясь ко мне: «Завтра зайду в школу». Я понял, что всё пропало. На следующий день мама пришла в учительскую, где ей сообщили, что её сын не допускается до уроков. Не знаю, что по этому поводу говорила мама, но на следующий день я отправился в школу, не отбыв срок наказания. Учителя тогда не боялись, что с детьми во время их «творческого отпуска» может произойти несчастный случай. Дома были долгие разборки по поводу моей неблагодарности, неуважения к учителям. На вопрос: «Ты бы

дешь ещё нарушать дисциплину в школе?» я буркнул: «Буду». У мамы после этого случился сердечный приступ. Представляете, сколько же сын приносил ей горя своим упрямством...

Во время вынужденных «каникул» я впервые попробовал курить. Сигареты «Спорт» (в то время самые дешёвые) хранил на чердаке. Курить мне не понравилось, и с тех пор ни разу в жизни не брал папиросу в рот.

Начиная с 4 класса, я увлёкся чтением художественной литературы. В Кожевниково была хорошая детская библиотека. В 5 классе мне понравились поэмы Маяковского, читал без разбора Эмиля Золя, Виктора Гюго, Ги де Мопассана. Естественно, читал и советскую детскую литературу: «Повесть о Зое и Шуре», «Чётвёртая высота» и конечно, «Повесть о настоящем человеке». Много прочитал книжек по географии, истории, биологии. В те времена обществом «Знание» издавались тоненькие брошюры по науке и технике, которые я брал в детской библиотеке почти ежедневно.

Всё это помогло мне, когда я учился в старших классах. А навыки самообразования пригодились при учёбе заочно в педагогическом институте, база же полученных знаний очень помогла мне, когда я начал работать учителем. Будучи на пенсии я встретился со своим бывшим учеником из Хмелёвской школы Хаткевичем Сашей. Он сказал: «У Вас было интересно на уроке, вы всегда могли ответить на наши вопросы».

* * *

В седьмом классе у меня уже не стало проблем с дисциплиной. Записался в географический и химический кружки, в 8 классе – в театральный, был диктором школьного радио. В химическом кружке до окончания школы был старостой. Правда, в 9 классе у меня было происшествие, связанное с химией. В справочнике я вычитал, как можно получить йодистый азот. Узнал о его свойстве взрываться от движения воздуха, даже от хлопка в ладоши, звука скрипки. Хранится это вещество в воде и тогда совершенно не опасно. Взрыв этого вещества, кроме звука, вреда не приносит.

Однажды работаем с кружковцами над изготовлением стенда по химическому производству. Учителя с нами не было. Я рассказал об йодистом азоте и его получении. Воспользовавшись отсутствием учителя, решили получить немного этого вещества. Смешали нашатырный спирт с раствором йода, из медицинской аптечки химкабинета. Осадок отфильтровали и поместили в пробирку с водой, которую спрятали в пожарном ящике с песком. Опыты с веществом решили отложить завтра.

Мы не думали испытывать вещество на учителях, а хотели проверить его эффективность на одноклассниках. Размазали вещество на передней парте, на полу у классной доски. Неожиданно заходит учитель истории (расписание изменили, должен быть урок немецкого языка). Мы эту учительницу любили, но менять что-то было уже поздно. Начался урок, вещество подсохло и при движении учеников, сидящих за первой партой начал раздаваться лёгкий треск.

Володя Смоляков, сидящий за первой партой, не видел, что вещество размазывали его ручкой. Как только он взял ручку, раздался громкий треск, испугавший учителя и ребят. И сразу раздаётся другой взрыв под ногами ученика, вызванного к карте.

Срочно пригласили директора, он – Марию Павловну Синеоковую, нашего учителя химии. Началось следствие. Пришлось вставать и понуря голову давать объяснение. Наказание грозило серьёзное всем «химикам», но многие учителя вступились за нас, в том числе и учитель истории, которой мы объяснили, что мы даже не думали о проведении эксперимента на её уроке, а о смене в расписании мы не знали, и убрать вещество не успели. Синеокая Мария Павловна, по-моему, вообще испытала гордость за своих учеников, блестяще применивших теоретические знания на практике. Ругала нас для отвода глаз.

Выговора на линейке всем троем, за срыв урока всё-таки избежать не удалось. Пригрозили отлучением от кабинета химии, если будем проводить не санкционированные учителем опыты. Однако, вскоре я нашёл описание, как получить слезоточивый газ, и мы втихомолку его получили, для чего смешал бромистоводородную кислоту с ацетоном, но результаты широко не демонстрировали, так как на себе почувствовали, что делать этого не стоит.

Когда в пятой школе, где я работал директором и учителем химии, мои «знатоки» получили и распылили в мужском туалете слезоточивый газ, и каждый входящий в туалет вылетал пулей, для меня не стал загадкой их опыт. Кстати, действие газа ощущается, словно удар палкой по глазам и начинается сильная резь, текут слёзы. Это я испытал на себе во время эксперимента в Кожевниковской школе.

* * *

Я часто вспоминаю наш дружный 9 класс. Тогда у всех были огороды, сажали много картофеля, надо было не только себя обеспечить на зиму, но и сдать определённое его количество в виде продовольственного налога. Наш огород был небольшим по площади, и мы с мамой сажали картофель ещё и в поле (6-7 километров от села). В классе у нас было заведено оказывать помощь друг другу в копке картофеля на огородах. Составляли график и после уроков всем классом приходили к очереднику, быстро справлялись с уборкой урожая. Правда, иногда родители опасались, не оставляем ли в земле картофель, но всё было нормально.

В Кожевниково в годы учёбы в школе учителя заботились о нашем культурном развитии. Особо хочу остановиться на моём участии в работе драматического кружка при районном Доме культуры (РДК). Первым спектаклем, в котором я участвовал, был «Ревизор» Н.В. Гоголя. Я исполнял роль Бобчинского. У меня сохранилась афиша этого спектакля. А в следующем спектакле, где я уже выступил в главной роли – Алексея, был спектакль по пьесе Виктора Розова «В добрый час». Позднее неоднократно разыгрывали миниатюры репертуара Мироновой и Менакера. Зал на наших спектаклях был всегда полон. Ездили с концертными программами в ближайшие сёла.

Из одноклассников особенно часто вспоминаю Колю Васильева. Сирота, воспитывался у родственников, Гену Пастухова, его тоже воспитывала одна мать. Мы переписывались долго, находясь на службе в Армии, потом потерялись, о чём я сожалею. Помню спокойного Володю Смолякова. Иногда на городских улицах встречаю Нину Москаленко, весёлую девчонку, которая в стрессовых ситуациях (например, на экзаменах, которые мы сдавали в каждом классе уже с четвёртого) начинала жевать хлебные корочки; Люсю Тузикову, любимицу всех парней класса, Галю Рослякову и Лилию Петерс, обеим я симпатизировал.

Наш класс был многонациональным: русские, немцы, латыши, корейцы. Но, ни разу не возникало проблем в общении, мы даже не задумывались, что твой одноклассник может иметь другую национальность.

* * *

Продолжу рассказ об учителях Кожевниковской школы, которые оставили заметный след в моей жизни. Хочу назвать учителя химии Синеоку Марию Павловну. Она привила любовь к химии, умение работать со справочной и специальной литературой, дала навыки экспериментальной работы, которые очень мнегодились, когда я стал учителем. Я уже в начале повествования называл учителя географии Короткова Павла Афанасьевича, благодаря которому я полюбил географию. Он часто поручал мне делать доклады по географии, что я с удовольствием исполнял. Особенно нравились мне обзоры по странам.

В школе был проектор для диапозитивов с ацетиленовой горелкой и много наборов стеклянных диапозитивов по географии, которые Павел Афанасьевич показывал нам. Были диапозитивы и по другим предметам, но я не помню, чтобы кто-то их использовал на уроках. В школе был немой киноаппарат и маленькая электростанция, которая часто ломалась, и мы иногда не успевали досмотреть фильм. Были фильмы по биологии, физике, литературе. Для просмотра фильма собирали учащихся нескольких классов, позднее, когда в Кожевниково появилась своя электростанция, изредка показывали фильмы на уроках. Я записался в кружок киномехаников, освоил работу на нём, что мне пригодилось в Хмелёвской школе.

Физкультуру преподавал у нас Каплинский Иван Захарович, который зимой много «гонял» нас на лыжах, а летом с желанием занимались у него лёгкой атлетикой.

Историю преподавал Андреев Глеб Павлович, фронтовик, прекрасно знал предмет, относился к нам терпимо и доброжелательно. Через много лет мы встретились, работая вместе в школах №5, 55 и 14.

Особняком для меня стоит учитель математики, с которым через много лет пересеклась моя судьба. Так и хочется произнести:

«Влияние Ваше не было прямо,
Отвесно, - как падает луч из зенита;
Оно разливалось везде, повсеместно...
Оно и теперь не забыто,
Как годы, прожитые честно,
Как вещая Ваша защита».

Анатолий Максимович Гриценко вёл у нас математику и был классным руководителем в 8-10 классах. Я не берусь оценивать его как математика, предмет я не любил, для меня существовали только химия и география. У меня частенько возникали проблемы с математикой. Анатолий Максимович имел обыкновение давать такой объём домашнего задания, что выполнить его было не под силу даже ученику с математическими наклонностями. Поэтому я, видя такой большой объём задания, вообще зачастую не делал ничего. Отсюда и результат. В 10 классе Анатолий Максимович начал спрашивать меня каждый день, только открывает дверь в класс: «Ларичев к доске!». Так продолжалось в течение месяца. Любви к математике это мне не прибавило, и я возмутился этим педагогическим методом. После этого меня он не спрашивал целую четверть.

Зато Анатолий Максимович покорила меня прекрасным знанием литературы. У нас часто менялись учителя литературы и даже в выпускном классе. Анатолию Максимовичу приходилось заменять отсутствующего учителя литературы. Вот на эти его уроки я ходил с удовольствием.

Гриценко А.М. жил недалеко от школы, в учительском доме. Он нередко приглашал меня к себе в гости. Когда я был у него, то сразу бросался к шкафам с книгами. У него была богатая библиотека. Много было поэтических сборников, и под влиянием Анатолия Максимовича я начал читать стихи, мне понравилась поэзия Александра Жарова. Часто он рекомендовал прочитать какие-либо книги и давал их домой. Я благодарен ему за ту любовь к чтению, которую он мне старался привить.

На иждивении Анатолия Максимовича были сестра Ольга и брат Василий; и Анатолий Максимович делал всё, чтобы они получили высшее образование.

Анатолий Максимович как классный руководитель, когда мама приходила в школу, старался не особенно огорчать её моими «успехами» в математике, а старался сообщить ей положительную информацию, опекал меня; старался помочь, если у меня возникали проблемы. Он осознавал, как трудно достаётся маме моё воспитание.

Хотя Анатолий Максимович и имел некоторые особенности в характере, у нас в классе его авторитет был непререкаем.

И вот, когда я уже работал директором школы №14, Анатолия Максимовича назначают заведующим отделом образования Томского горисполкома. Работал он на этой должности недолго, что-то около 2,5 лет, после чего его перевели директором школы №15. Причины перевода его с должности заведующего я в деталях не знаю. Но создалась неординарная ситуация: сразу же после него на пост заведующего горисполкома назначили меня, его ученика. Зная характер Анатолия Максимовича, я видел, как он трудно воспринимал это, когда ему приходилось получать оценку своей деятельности от бывшего ученика. Однако всё нормализовалось. Нам обоим хватило разума, да и в школе №15 дела шли нормально. Острых углов не возникало. Один раз он пришёл на приём с просьбой помочь с жильём его брату Василию, который работал учителем биологии в школе на Басандайке. Я посодействовал в приобретении кооперативной квартиры.

В 8 классе я увлёкся фотографией. Брат, уходя в армию, оставил старенький фотоаппарат «Фотокор». Снимать надо было на стеклянных фотопластинках, хотя уже появились плёночные катушечные фотоаппараты. Чтобы купить новый фотоаппарат, принадлежности к нему, нужны были значительные деньги, которых у мамы не было. Зарплата её, а затем пенсия по инвалидности (пока не дали персональную пенсию) позволяли еле «сводить концы с концами». Правда, как я отмечал уже, спасал огород.

В 7-8 классах нас начали направлять на сельхозработы. Это было в сентябре, иногда освобождали на несколько дней от уроков и в это время мы жили в деревнях. Мне нравилось, когда нас направляли дёргать лён; длинные тонкие стебли льна укладывались в красивые снопики и затем в небольшие скирды. В перерыв привозили обед, до сих пор помню божественный вкус деревенского хлеба, который макали в золотистый мёд.

Работали на уборке турнепса (научное название кормовая репа), который использовался на корм дойным коровам, но нам он тоже нравился.

Несмотря на усталость, вечером занимались обычными мальчишескими играми, придумывали каверзы девочкам. Мы жили в амбаре отдельно от девочек, воспитательницы жили с ними. Однажды, когда всё затихло, наловили где-то кур, открыли дверь амбара девочек и бросили кур в амбар. Поднялся гвалт, кричали девочки, кудахтали куры. Выскочили возмущенные воспитатели, но мы уже скрылись в темноте. Девочки пытались выгнать кур, но они залетели на стропила под крышей амбара, и выгнать их не удавалось. Опротестившись решили кур не выгонять и все улеглись спать. Утром жителям амбара пришлось долго очищать свою одежду от куриных следов, а нам слушать отзывы учителей о нашем поведении, и угрозы девочек о мести.

Однажды в засушливый год вокруг Кожевниково начали гореть леса. Даже трудно было дышать. Население было направлено на тушение горящего леса, направили и школьников старших классов. К открытому огню нас не допускали, засыпали землёй тлеющие головёшки, кочки. На эту работу направляли недолго, вскоре пошли дожди и с пожаром справились без нас, но мы гордились, что были мобилизованы на борьбу с огнём.

В 10 классе направили на неделю в «Заготзерно». Работа была не лёгкой. Перелопачивали зерно, которое начало «гореть» из-за высокой влажности, сушилки не справлялись. Работали по сменам, уставали, здесь уже в голову не приходило заниматься баловством.

Ездили на заготовку дров для школы. Деревья валили взрослые, а мы обрубали сучья, распиливали стволы на короткие кряжи.

В это время, наверное, были мягкие требования к технике безопасности и охране здоровья школьников. Возили нас на работу в битком набитом кузове грузовика, ни каких инструктажей по работе с инструментами, переноске тяжестей, при поездке на транспорте не проводилось.

* * *

С одноклассником Виктором Сидоровым мы подрядились пилить дрова. Кряжи надо было распилить, расколоть и сложить в поленницу, и всё это при жаре, паутах. После дров устроился рабочим на ремонт здания райисполкома, надо было копать ямы под стойки фундамента. Проработал землекопом всё лето. На заработанные летом деньги я купил учебники, фотоаппарат «Смена», фотоувеличитель и прочие принадлежности. Часть денег отдал маме на покупку дров, так как это было всегда большой проблемой с финансовой стороны. Зимой, когда не хватало дров, я возил их на санках из-за реки (это было в 7 классе).

Иногда нанимался в бригаду по разгрузке угля, гравия и стекла из барж. Конечно, какой из меня был грузчик, поднимаемые тяжести не шли ни в какое сравнение с нынешними нормативами поднятия тяжести для подростков. Всё это потом сказалось на здоровье.

Когда делились заработанные бригадой деньги за разгрузку барж, встал вопрос о моей доле, и бригадир, махнув рукой, благородно делил деньги поровну, мужики соглашались с ним. Я не помню их имён, но, кажется, безошибочно узнал бы их при встрече, и тёплое чувство благодарности храню по сей день.

* * *

После окончания 9 класса я устроился на лето разнорабочим на строительство столовой. Она располагается на территории нынешнего Кожевниковского рынка. Прорабом стройки был Захаров Никита Павлович, жил он недалеко от нас. В связи с тем, что я был самым грамотным на стройке работни-

ком, Никита Павлович поручил мне ещё работу нормировщика, уменьшив объём работы по первоначальной «должности». Я занимался подвозкой воды с Оби. Воду возил в большой бочке на лошади, запряжённой в телегу-водовозку. Работа была ответственной. Стоит задержаться с подвозкой воды, как останавливалась работа каменщиков из-за отсутствия воды для приготовления раствора. Бочку надо было наполнять большим черпаком из реки. К концу дня руки уже не держали ручку черпака, но я был горд доверием, оказанным Никитой Павловичем.

Однажды в жаркий день мы начали обливать друг друга водой. Никита Павлович отвёл меня в подвал и очень тактично разъяснил, что я не просто рабочий, а «руководящее лицо», и должен быть примером для остальных, не давать повода для сплетен. Впоследствии Никита Павлович неоднократно говорил мне, почему я не должен делать того или иного. Давал отцовские уроки. Наставления Никиты Павловича помню всю жизнь: касалось ли это моего внешнего вида, поведения или поступков. Научил быть равнодушным, к тому, что скажут люди, окружающие меня. Учил, как поступать, не давая повода для осуждения. Вот что внушал мне этот по-доброму относящийся ко мне человек:

«Видишь гордого человека, -
И сам держишь голову выше.
Видишь красивого человека, -
И сам ты
Чуть-чуть красивее...
И не зависть,
А тихая гордость в тебе.
Хорошо
Быть вот так
Меж людей!»

Вообще-то Никита Павлович тепло относился ко мне, нередко приглашал к себе на обед. У него была очень добрая жена. Никита Павлович тоже был репрессирован (он был ровесник моего отца). Когда он вышел на пенсию, то уехал к сыну в другой город. Это было без меня, и его дальнейшая судьба мне неизвестна. Когда я бываю в Кожевниково, стараюсь обязательно проехать мимо дома, в котором мы жили. Никогда не миную дома, в котором жили Захаровы. Сейчас он необитаем, разрушается.

К 10 классу я купил на заработанные деньги фотоаппарат «Зоркий», часы, велосипед, что-то приобрели из мебели.

* * *

Из событий школьной жизни хочется отметить первую сознательную поездку в Томск. До этого я дважды был в городе, но в столь раннем возрасте, что особых впечатлений не осталось.

В 9 классе нас наградили туристической путёвкой в областной центр. Поехали на зимних каникулах, автобусы ещё не ходили, а только грузотакси (грузовик ГАЗ с брезентовым верхом). В кузове было полно отработанного газа, ухабистая дорога, поэтому машина часто останавливалась, чтобы мы могли подышать свежим воздухом, особенно тяжело было девчонкам, да и парни все позеленели.

Нас разместили в деревянном здании на улице Равенства (ныне улица имени Гагарина, 27), где располагалась школа №6, позднее школа-интернат №22, а потом – опять пересечение линий судьбы – городской отдел народного образования, где я был заведующим и мой кабинет был в помещении, где мы спали.

Программа посещения Томска была насыщенной. Для нас организовали экскурсию по городу, посещение Новогоднего праздника в городском саду. Мы побывали в драмтеатре (сейчас здание ТЮЗа) на спектакле «Поднятая целина», по окончании прошла встреча с артистами, занятыми в этой постановке, режиссёром. Разговор был интересным, мы даже высказали какие-то замечания (самонадеянность молодости) по тому, как показывался деревенский быт, артисты очень внимательно и доброжелательно выслушали наши замечания.

Впервые посмотрел телевизор. Вечером нас пригласили в обком комсомола. Он находился на проспекте имени В.И. Ленина, где сейчас находится Дворец бракосочетаний, и в котором мы с Надеждой 19 января 1963 года регистрировали наш брак. Не помню точно, как назывался фильм, но в нём играла Симона Синьоре, я запомнил эту артистку.

Многое мне дала экскурсия в Политехнический музей. С огромным интересом слушал лекции учёных. Задал много вопросов по прочитанным ранее брошюрам общества «Знание». Поразили опыты, продемонстрированные лектором (в Кожевниковской школе нам мало показывали опыты по физике, хотя для этого не требовалось сложной аппаратуры). Некоторые из них впоследствии я показывал на вводных уроках, когда преподавал физику в 7-8 классах.

Незабываемым было знакомство с Юрием Осиповичем Пашкевичем, известным томским краеведом, который был экскурсоводом нашей группы. Юрий Осипович пригласил группу ребят, увлекающихся фотографией, к себе домой. Провёл с нами, как теперь говорят, мастер-класс по раскрашиванию фотоотпечатков специальными красками, что меня увлекло, и я часто потом занимался процессом их раскрашивания.

Появилась дополнительная статья расходов в нашем с мамой семейном бюджете на приобретение специальных красок. Правда, это очень кропотливое дело, требующее внимания и терпения, чего мне не доставало, и я оставил это дело.

Юрий Осипович показал свою коллекцию марок, объяснил, как много может рассказать этот кусочек бумаги. У него в коллекции были марки времён царской России. После этого я тоже увлёкся сбором марок. Продолжал собирать их, даже работая учителем в Хмелёвке. У меня было несколько интересных серий: о московском метро, об Октябрьской революции, Лениниана, об

освоении космоса. Показал Юрий Осипович и свою коллекцию открыток о Томске. Он работал учителем в школе №14, когда она была ещё семилетней, позднее в этом здании располагался учебно-производственный комбинат, где директором был Г.М. Маргулис, последние годы гуманитарный лицей. В связи с реконструкцией дороги это здание пошло под снос. После школы Юрий Осипович работал на областной станции туристов и проводил с ребятами огромную работу по воспитанию любви к своему краю. Когда мы в школе №14 работали по созданию музея истории народного образования, собрали материал о Ю.О. Пашкевиче. Не знаю, куда делись коллекции Юрия Осиповича после его смерти. Сейчас я представляю, какую огромную познавательную ценность они имели.

* * *

Когда закончили 9 класс, группа учащихся школы была направлена по бесплатным путёвкам в город Новосибирск. В эту группу включили и меня в качестве поощрения за общественную работу. Трудно переоценить то, что дала эта поездка для моего развития, познания мира. Хотя ранее я побывал в Новосибирске с братом Виктором, но от этой поездки у меня остались лишь воспоминания о посещении зоопарка и поездки на трамвае.

Впервые побывал в Новосибирском театре оперы и балета, слушал оперу «Риголетто» Д. Верди. Вся группа с восторгом посмотрела представление в цирке первой в СССР дрессировщицы хищных зверей Ирины Бугримовой, она выступала со своими дрессированными львами, были в театре «Красный факел». Познакомились с историей возникновения Новосибирска.

Когда нас привезли на строительство Новосибирской гидроэлектростанции, поразила грандиозность стройки, впервые увидел огромные экскаваторы, самосвалы, работавшие на дне глубокого котлована.

Спустя много лет я вновь побывал с экскурсией на Новосибирской ГЭС, прошёл по плотине, увидел в машинном зале генераторы, Обское море ещё раз оценил титанический труд людей построивших эту станцию.

Посетили музей Сергея Мироновича Кирова, металлургический завод, завод пластмасс. На металлургическом заводе мы побывали в цехе бытовых товаров, ширпотреба, как тогда говорили. Нам показали всю технологическую цепочку производства эмалированной посуды. Увидел, как из чёрного стального листа штампуется кастрюля, затем очищается в специальном растворе и покрывается жидкой массой белого цвета, после просушки изделие нагревается в специальной печи до высокой температуры и матовая поверхность превращается в белую блестящую эмаль. Раньше, когда дома я брал в руки эмалированную кружку, не задумывался какой труд множества людей стоит за этим простым предметом.

Во время экскурсии на жиркомбинат меня поразил вкусный аромат, как будто на большой сковороде жарили картошку на растительном масле, и её запах заполнил цех. В чистом просторном помещении стояли прессы, отжимавшие из подсолнечных семян масло, которое после нагревания фильтровалось, аромат нагретого растительного масла и ощущался в цехе. В присутствии катализатора проводится реакция между растительным маслом и водородом (гидрогенизация) в результате получается твёрдое вещество – гидрожир. Он может использоваться непосредственно в пищу, или при использовании различных добавок превращаться в кулинарный жир, комбижир, маргарин (это всё названия продуктов, появившихся в кожевниковских магазинах в послевоенные годы). В следующем цехе посмотрел как «варится» мыло. В огромные котлы помещается животный жир (в те годы использовался китовый) и щёлочь – NaOH, при высокой температуре происходит реакция гидролиза (омыления) и образуется твёрдое мыло $C_{17}H_{35}COONa$, если взять щёлочь KOH, то получится жидкое мыло. Из полученного при варке раствора выделяют твёрдую массу, из которой автомат формует куски хозяйственного мыла (при реакции ещё образуется глицерин). После дополнительной очистки полученной массы, добавления веществ - ароматизаторов получают туалетное мыло. Нам показали земляничное, кармен, сирень, детское, которое выпускал жиркомбинат в то время.

Не менее интересной была экскурсия на завод пластмасс. Из черного порошка автоматы формовали красивые детали для электропроводки: патроны, розетки, из цветных порошков или прозрачных гранул, на наших глазах, автоматы изготавливали нарядные вазочки, тарелки и другие изделия.

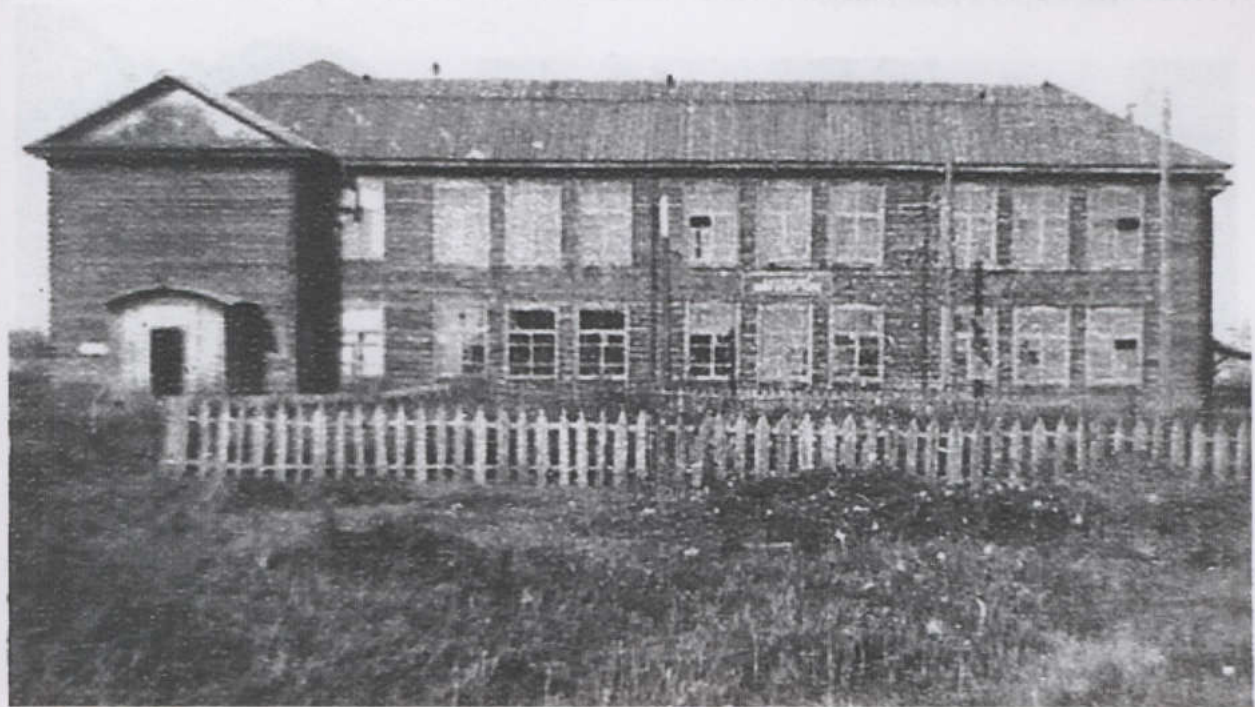
Впервые увидел полихлорвиниловую изоленту. В наших магазинах тогда продавалась только серая на матерчатой основе. Когда нам предложили из ящика с бракованной изолентой ПВХ взять себе образцы, парни не стали отказываться, и набили свои карманы, где уже были во множестве мелкие детали из пластмассы, которые нам разрешили взять.

Я подробно остановился на этих экскурсиях, потому что мне было всё интересно связанное с химией, что я получил большое количество информации, которая потом пригодилась, когда я преподавал химию.

По итогам поездки оформили фотоальбом вместе с одноклассником латышом Петерсом Артуром. У него был хороший почерк, а фотографии мои. За этот альбом областная станция туристов школу премировала патефоном.

Моя первая школьная фотография. С соседкой Любой Колесниковой.

Здание Кожевниковской средней школы, где я учился